

Ричард Карр
Связующая партия

Ричард Карр

Связующая партия

*Текст предоставлен издательством
Связующая партия: Издать Книгу;*

Аннотация

Нетрадиционно-музыкальное фэнтэзи, в котором девушка с именем Рапсода Скерцанда Виваче, а проще – Си-Диез, спасая великого певца, зовущегося Зеленая Песня, попадает в гильдию бардов – людей и полуэльфов. Благодаря этому благородному поступку она оказывается вовлеченной в захватывающие и непредсказуемые приключения в сказочной стране Ардения, живущей, тем не менее, по жестоким человеческим законам. Здесь есть и традиционный король, и необычные сообщества людей, показанные в придворном антураже или на фоне прекрасных пейзажей.

Юная бардесса, вместе с похищенной из дворца принцессой-бунтаркой Аланой и в компании неунывающих друзей через всю страну пробирается в соседнюю – Баланию, чтобы устроить благополучие родного государства.

Странные, иногда забавные, а иногда совсем невеселые рассказы и баллады барда Креда переплетаются с реальностью, а персонажи становятся действующими лицами повествования. «Великий король Драуман Рассудительный – так он называл себя и надеялся, что в летописи он войдет именно с этим прозвищем»,

жестокая чернь, тайные Круги друидов, инквизиция Иериала, придворная челядь, говорящие звери и птицы, фантастические волшебные аксессуары, ненавязчивая магия и настоящие друзья и союзники сопровождают компанию на протяжении всего действия. Благодаря путешествию принцесса выясняет, почему она умеет разговаривать с животными, узнает о своих друидских корнях и меняет мировоззрение. Истории и жизнь переплетаются и соединяются.

Содержание

1. О драках, сплетнях и знакомствах	6
2. О политике и балах	51
3. О том, как правильно прихорашиваться и еще о тысяче мелочей, которые надо знать, выходя в свет	91
4. О том, как правильно составлять психологический портрет, а так же о сказках, побеге и рынке	126
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Ричард Карр

Связующая партия

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Связующая партия – музыкальный материал, тонально и интонационно подготавливающий появление темы побочной партии, тем самым связывая главную и побочную партии.

1. О драках, сплетнях и знакомствах

– Сказительница, именующая себя Рапсодой Скерцандой Виваче по прозвищу Си-Диез, обвиняется в преступлении против короны и должна быть поймана либо убита. За живую или мертвую, королем Драуманом назначена награда в тысячу золотых монет. Особая примета в том, что левый глаз у нее голубой, а правый – темно-синий, – чуть ли не в сотый раз прочитала в полголоса сорванное со столба объявление та, которая звалась Рапсодой Скерцандой Виваче, – ну и дурни работают в королевской разведке, – фыркнула она и потеряла правый, прозрачно-голубой глаз, скрытый под грубой полотняной повязкой, – право с лево путают!

Но хоть в объявлении и была столь досадная промашка, люди с разными глазами встречаются не так уж и часто. Так что от самой заметной приметы следовало избавиться. Хоть бы даже таким примитивным способом, как перевязь, скрывающая один из глаз. Харчеваться и останавливаться на ночь теперь приходилось в местах, сравнительно безопасных, то бишь в притонах, наводненных ворами, жульем, головорезами и прочими отбросами общества. В такие места не заглядывают добропорядочные граждане, а стража, будучи подкупленной или запуганной, малодушно делает вид, что и

знать о них ничего не знает. Так что бояться тут Рапсоды особо нечего. Ну, кроме разве что ножа в спину или проигрыша шулеру в кости. О прежней своей работе ей тоже пришлось забыть. Барды в таких заведениях не пользуются особой популярностью, да и репертуарчик Си-Диез, мягко говоря, не удовлетворил бы вкусов местной аудитории. Хотя песенки скабрезного или политического содержания, слышащиеся то из-за одного, то из-за другого стола, весьма и весьма забавны...

И как же это надо было умудриться из простого барда превратиться во врага королевской короны? Рапсода помнила, с чего все это началось.

А началось все, как и полагается, с драки.

Была тогда сентябрьская, еще по-летнему теплая ночь, Рапсода только несколько часов назад добралась до Лагеря Бардов. Здесь странствующий менестрель всегда мог заночевать или остаться на недельку-другую, чтобы повидать собратьев по ремеслу и занять себя приятной беседой об искусствах. Молодые барды жили здесь чуть не месяцами в надежде на встречу с кем-то из прославившихся певцов, которые также не брезговали останавливаться здесь на ночлег.

Но не всегда в лагере было спокойно. Где есть неравенство – там вспыхивает зависть, где встречаются два мастера – там появляется соперничество. Так что беседы о прекрасном частенько перерастали в потасовки.

Этой ночью, на первый взгляд, все было тихо. Уставшая,

но плотно поужинавшая Рапсода двигалась вдаль от общего большого костра, разыскивая удобное место для сна. Тут и там горели костерки поменьше. Вокруг них сидели люди вперемешку с полуросликами, эльфами и гномами. Кто-то ставил на лютню новые струны, кто-то тихонько пробовал голос: не осип ли с дороги. У одного костра, мимо которого проходила девушка, гном воодушевленно рассказывал, чем легенды его народа лучше людских:

– У нас-то сказания о битвах, о подвигах, прославивших наших горных правителей, ну, в крайнем случае, об искусстве наших мастеров. А у вас? Что не легенда, так везде баба замешана. То добрый рыцарь ради нее целую легенду по всему миру мечется, то за ней, потому как она самым главным злом оказалась. А что же это за война, если в ней баба участвует? Тьфу!

Дальнейших рассуждений гнома, как и ответа человека, девушка, отошедшая от их костерка достаточно далеко, уже не услышала. Она бы может и остановилась у спорщиков, и высказала бы свое мнение на счет легенд и женщин, но уж больно хотелось спать.

Наконец Рапсода оказалась на самом краю лагеря: впереди чахленький кустарник, позади видны маячки костров. Она начала было укладываться спать, но тут ей вдруг послышалось какое-то движение за кустарником. Будто кто-то осторожно шагал, стараясь не шуршать густой травой.

«Померещилось, – фыркнула про себя Си-Диез, – дав-

ненько меня слух не подводил».

Но тут из-за кустов донесся другой, совсем неприятный звук. Будто нечто тяжелое с размаху врезалось во что-то мягкое, как сапог из грубой кожи врезается в живот надоевшей собаки. Но сдавленный стон, последовавший за ударом, дал Рапсоду четко понять, что от души врезали совсем не собаке.

Певица бесшумно метнулась к кустарнику и увидела сквозь переплетения веток, как одна фигура, стоящая в полный рост, избивает ногами другую, сжавшуюся на земле и прикрывающую руками голову. Рядом еле теплились уголья затушенного костра. Очевидно, лежащий на земле мирно спал, когда на него напали. Рапсода подалась вперед и неосторожным движением обломил тоненькую веточку. Нападающий, высокий и крепко сложенный мужчина, похоже ничего не услышал и занес ногу для очередного удара. А вот лежащий на земле вдруг повернул лицо к кустарнику, и Сидиз увидела его большие глаза и острые уши.

«Эльф, – поняла сказительница, – или полукровка. Понятно, почему этот детина дождался, пока он уснет. Чуткое эльфийское ухо слышало бы его приближение шагов за триста».

А сапог снова ударил по ребрам несчастного.

«Надо помочь... Надо! Но как? Что может противопоставить девушка такому детине?» – отчаянно соображала вокалистка.

Верзила снова замахнулся, и Рапсода сама того не созна-

вая схватила с земли первый попавшийся камень и швырнула в него. Камень угодил мужчине в плечо. Он повернул голову в сторону кустов и ухмыльнулся:

– Там твои приятели? Ха! Храбрецы, надо сказать, выдающиеся. Камушка с земли ради тебя не пожалели! Вот как им дорога твоя шкура!

И тут Си-Диез пришла в голову идея. Не то, чтобы блестящая, но другой все равно не было. Она схватила из-под ног горсть камушков. Теперь надо просто создать иллюзию огня, сделать так, будто каждый камушек объят пламенем и горит. Простой до безобразия и дешевый фокус, который под силу любому ярмарочному трубадуру, но все-таки лучше, чем совсем ничего.

Горящие камни полетели в траву, падая вокруг эльфа и человека. Иллюзорное пламя, совсем как настоящее, принялось лизать траву и разрастаться. Через пару мгновений отдельные лужицы огня проложили себе путь друг к другу по ковру из первых опавших листьев и образовали замкнутое кольцо. Крепыш больше не бил свою жертву. В отблесках колдовского пламени Рапсода увидела его лицо. В глазах нападавшего мелькнула нерешительность.

«Он просто жалкий трус, если напал на спящего, – пробежало в голове Рапсоды, – но иллюзия недолговечна. Еще пара минут, и огонь исчезнет».

– Убирайся отсюда! – голосом, который никогда бы не признала своим, взывала Рапсода и что было сил метнула по-

следний зачарованный камень, метя так, чтобы тот пролетел близко-близко от головы нападавшего.

Глаза мужчины расширились. Он дернулся в сторону и инстинктивно поднял руки, чтобы защитить лицо. Но увидев, что беда миновала, он резко с силой пнул лежащего перед ним эльфа. Удар был настолько силен, что несчастный отлетел прямо в гущу разбушевавшегося иллюзорного пламени.

– Гори в аду, ублюдок! – заорал человек, и, быстро развернувшись спиной к лагерю, с рыком понесся прочь сквозь заколдованный огонь. Завеса иллюзии пропустила его, не нанеся ни малейшего повреждения.

Не дожидаясь, когда он скроется из виду, Рапсода выбежала из кустов, бухнулась на колени прямо в пламя и, вцепившись в куртку на плече эльфа, перевернула его на спину. Вытаскивать его из иллюзии было бессмысленно: созданный таким образом огонь не давал жара. Да и вес тела эльфа был слишком велик для плеч хрупкой девушки. Нельзя сказать, что она мало каши в детстве ела, но «толстой и красивой» почему-то не стала, а осталась худенькой и невысокой девочкой-подростком. Ну и куда такая силачка потащит мужчину?

Эльф отнял руки от головы. Иллюзия понемногу рассеивалась, и в свете тающего огня Си-Диез увидела его глаза. Они были большие и зеленые.

– А ты вовремя подросла, – сказал эльф, делая попытку сесть, но Рапсода решительно уперлась обеими ладонями

ему в плечи:

– Не смей! Чудо, если у тебя осталось хоть одно целое ребро.

– Ну... думаю, ты слегка преувеличиваешь, – эльф поглядел на маленькие ладошки, упирающиеся в его грудь, потом перевел взгляд на лицо Си-Диез и усмехнулся, – а ты знаешь, что нужно подчеркнуть, – указал он на сережки певички.

– Ага, – расплылась в улыбке Рапсода, зажмурив правый, голубой глаз и зажав в кулаке левую сережку с прозрачно-голубыми топазами. Левый глаз и правая серьга сверкнули сапфирово-синим цветом. Эти серьги, сделанные в форме символа, означающего шестнадцатую длительность, были ее гордостью, ее любимой шуткой над самой собой.

– А где же... – начал было эльф, но замялся и продолжил по-другому, – почему милые ручки доброй леди не украшены, как она того заслуживает? Перстень...

Рапсода только отмахнулась, не дав собеседнику договорить:

– Я их вечно теряю. Тонкие пальцы.

Эльф озадаченно хмыкнул.

– Теряешь, говоришь? Ну тогда возьми мой. Прими, как знак благодарности, так сказать. Ты же не потеряешь такой подарок, верно?

– с этими словами он снял с мизинца правой руки перстень, на котором красовался скрипичный ключ, и протянул его Си-Диез.

– Меня-то и так каждая собака знает, – почему-то добавил он.

– Конечно, как не знать Зеленую Песню, барда, поющего при дворе славного короля Ардении Драумана, да и при дворах других монархов тоже? – ответила Си-Диез, принимая перстень и примеряя его на все пальцы по очереди, – а этот негодяй...

– Он ушел ни с чем, а это главное, – задумчиво ответил Зеленая Песня и вдруг неожиданно спросил, – А состояние моих ребер обязательно должно дать мне погибнуть от жажды? Видишь ли, моя фляга пуста...

– Через минуту здесь будет бурдюк с водой или я не Рапсода Скерцанда Виваче по прозвищу Си-Диез, – вскричала бардесса, вскакивая на ноги и устремляясь сквозь кустарник к своим вещам. Порывшись в дорожном мешке, она обнаружила, что ее фляга тоже почти опустошена. Рапсода чертыхнулась и вприпрыжку понеслась к ручью, который тек неподалеку от лагеря. Лесистая местность была для нее, словно дом, а в темноте она видела немногим хуже эльфов. Скорее всего потому, что сама она была эльфийкой то ли на четверть, то ли на одну восьмую. Но это проявлялось исключительно в способности видеть в темноте и чертовски хорошем слухе. Внешность же была абсолютно человеческая. Как раз благодаря ночному зрению, наследию предков, путь до ручья и обратно не занял у нее много времени. Однако полная воды фляга была уже никому не нужна: место, где несколько

минут назад лежал Зеленая Песня, было пусто. Рапсода метнулась в одну сторону, в другую. Никаких следов.

«Значит не драка, – заключила она, – иначе я бы наверняка что-то слышала. Ушел сам. Дурак. Хотя может так оно для него и лучше».

И Си-Диез отправилась спать, а на утро продолжила свой путь.

Проходили дни, и ночное приключение понемногу забылось. Только перстень, подаренный ей тогда, украшал теперь указательный палец правой руки Рапсоды.

Прошло уже около месяца, когда Си-Диез неожиданно столкнулась с другим странствующим бардом в небольшой деревушке под тривиальнейшим названием Приречье. Она увидела его в таверне: скромно обставленном помещении, где жители могли отдохнуть после тяжелого трудового дня. Рапсода сразу признала в нем коллегу: по недорогой, но изящного покроя куртке, длинным, каштановым, аккуратно уложенным волосам и лютне, висящей за спиной. Он беседовал о чем-то с хозяином заведения.

«Два барда за один день – наверное небывалое событие для этого местечка», – подумала тогда Рапсода и направилась к стойке, по одну сторону которой сидел бард, а по другую – трактирщик.

– Так Вы позволите мне играть у Вас? – снова спросил певец.

– А кто Вы таков будете? – искоса посмотрел угрюмый

трактирщик на прищельца и продолжил протирать пивную кружку, что держал в толстых пальцах.

– Я? – приосанился гость, – бард, о котором ходит молва во всех углах Ардении.

– Ишь каков, известный господин бард, – ехидно осклабился корчмарь, – всем знаком, всем ведом. А здесь, господин, Вас никто и знать не знает. Уж не жулик ли Вы, господин бард?

– Да я имел успех в столице и певал даже во дворце нашего славного короля Драумана, – возмутился певец непросвещенностью корчмаря, – да я, если Вам угодно знать, прямым ходом из Ниариса, и теперь в курсе всех новостей высокого двора.

На лице корчмаря отразился профессиональный интерес. Ему, как и любому другому владельцу подобного заведения, было просто необходимо знать новые сплетни, дабы развлекать посетителей.

– И что же Вы узнали в столице?

– О, многое, хозяин, – оживился бард, – очень много новостей. Но есть среди них особенно свежая и пикантная.

– Ну так не тяните, а рассказывайте, – подбодрил музыканта корчмарь, со стуком опуская перед ним кружку полную пива.

Тот обхватил ее тонкими чуткими пальцами, задумчиво посмотрел на белую шапку пены и сделал глоток.

– Ну что ж, слушайте, – сказал он, аккуратно стирая плат-

ком пивную пену с губ.

Рапсода наострила уши.

* * *

Услышав жуткий рев, она выронила из рук книгу. Казалось, что стены трясутся от этого невыносимо громкого звука, вспоровшего тишину. Она подбежала к единственному окну библиотеки, выходящему на запад. Выглянула – пусто. Чертыхнувшись, она со всех ног бросилась вон из библиотеки. Стук невысоких каблучков о холодный каменный пол коридора отдавался от стен, смешиваясь с непрекращающимся диким ревом.

– Где? – нетерпеливо крикнула она, наткнувшись на служанку.

Та сделала торопливо-неуклюжий книксен.

– У восточного балкона, ваше высочество, – скороговоркой выпалила служанка, махнув на всякий случай рукой в верном направлении.

А принцесса уже бросилась дальше. Тяжелые юбки путались и всячески мешались, затрудняя бег, ноги ныли от новых, оказавшихся немного тесными туфель, а жесткий корсет предательски выталкивал воздух из легких. Быстрее добежать, добраться до балкона, увидеть сражение.

Она вылетела на балкон и с разбегу ударилась грудью о перила. Прическа была безнадежно испорчена. Грудь так от-

чаянно вздымалась, что, казалось, порвет легкую прикрывающую ее ткань и корсет из китового уса заодно. Одну ногу покалывал иней, устилавший пол балкона – левую туфлю принцесса потеряла где-то в коридорах башни. Но все это ее не заботило. Что там, снаружи?

Но сражение было уже окончено. Огромный дракон в последний раз взмахнул широкими серыми крыльями и грузно осел на землю. Грозный рев затих, глаза гиганта затянулись пленкой и вот уже даже перестал дергаться в судорогах кончик хвоста. Рядом с поверженным зверем лежал некто в помятых доспехах.

«Так тебе и надо, отродье!» – злорадно подумала принцесса. От обуявшего ее гнева к щекам прилила кровь, а тонкие аристократические пальчики сжались в кулачки.

И тут рыцарь зашевелился, поднялся сначала на одно колено, а затем, шатаясь, выпрямился в полный рост.

Принцессе на какой-то миг показалось, что она вот-вот лишится чувств от переполняющих ее эмоций, но она взяла себя в руки. Резко развернувшись, она подошла к двери балкона и дернула за толстый золотистый шнур. Где-то послышался звон колокольчика, и спустя несколько секунд перед принцессой стоял, согнувшись в поклоне, слуга.

– Караулу выйти к рыцарю и привести его в зеленый зал, – распорядилась она. Голос ее дрожал, как ни старалась она успокоить себя.

Слуга отвесил еще один поклон и исчез. Глубоко вдохнув

и медленно выдохнув, принцесса подобрала потерянную туфельку, с трудом надела ее на озябшую ногу и размеренным шагом направилась в свою гардеробную, где велела стайке горничных одеть себя в любимое зеленое платье с золотой вышивкой и привести в порядок волосы цвета серебра.

Когда все было готово, она, горделиво выпрямившись, направилась в зеленый зал. Служанки, сбившись в кучку, следовали за ней.

В хорошо освещенном свечами зале уже ждал рыцарь, поддерживаемый двумя пажами. При виде его Алана, единственная дочь великого короля Драумана, ощутила, как кровь опять бросилась ей в лицо. Она опустилась в кресло с высокой спинкой и подала было стражникам знак рукой, но рыцарь сам опустился на одно колено.

«Опередил, – подметила принцесса, – как минимум начальные знания об этикете у него имеются. Но только начальные».

– Ваше высочество... – раздался из-под шлема приглушенный, надсаженно-хриплый голос, но Алана прервала его:

– А Вы, оказывается, невежа. Шлем долой при особах королевской крови!

– Он несколько поврежден и без подручных средств у меня не было никакой возможности снять...

– Довольно. Это не так уж и важно, если смотреть в суть, – вновь прервала его хозяйка башни, стараясь выглядеть как можно спокойнее. Но тут все, что она чувствовала, выплес-

нулось наружу:

– А важно, сударь, то, что Вы погубили дракона!

– Это великая честь, но...

– Вы убили Мотильду! Зарезали, должно быть, своим проклятым мечом, как режут свиней на скотном дворе. Мотильду! Самого свирепого и злобного дракона, какой только нашелся!

– Это долг любого, но... – предпринял еще одну попытку несчастный гость.

– ...а тем временем за нее отдано было золота чуть не по ее весу! – продолжала бушевать Алана, как будто бы ее никто и не перебивал, – и где мне теперь взять столько золота, любезный? Продавать платья и драгоценности предложите?

– Я не вполне понимаю... Но раз Вы нуждаетесь в деньгах, то почему бы не испросить у папеньки?

– Как будто он позволит мне завести нового дракона. Тем более если узнает, благодаря каким обстоятельствам покинула сей свет бедняжка Мот, – презрительно фыркнула очаровательная хозяйка.

После этого заявления пажы, стоящие за плечами гостя, явственно услышали стук челюсти, ударившейся о нижнюю часть шлема.

– А Вы, мерзкий негодяй! – наконец-то дала выплеснуться всему своему гневу царственная особа, – хладнокровный убийца! Проходимец! Разбойник! И, имея кровь на руках, еще мечтаете жениться на мне, несчастный? Как будто я во-

обще собираюсь за кого-то замуж. Правда, моя милочка, Лизетта? – продолжила Алана совершенно другим тоном и притянула к себе за талию одну из окружавших ее служанок.

– Ее высочество явно тронулись, – послышался тихий шепот из-под помятого шлема гостя, – хотя оно и не мудрено: столько лет взаперти.

– О нет, любезный, нет, – с живостью возразила Алана, обладавшая, по всей видимости, весьма острым слухом, – я нахожусь в самом что ни на есть здравом уме. Иначе смогла ли бы я логически рассуждать и адекватно воспринимать все происшедшее? – и она на минутку замолчала, задумчиво поглаживая зардевшуюся, но довольную Лизетту.

– Итак, – вновь заговорила она, очнувшись от своих мыслей и устремив на собеседника испепеляющий взгляд серых глаз, – что мы имеем? Мы имеем мертвого дракона и его убийцу, который имеет теперь право на мою руку. Факт, из которого следует, что новоиспеченный женишок ни в коем случае не должен покинуть стены этой башни живым, дабы ни одна живая душа не узнала о смерти одного дракона и о подмене его другим.

– Белены Вы что ли объелись, сударыня? – отбросив все приличия, возопил рыцарь.

Но принцесса его уже не слушала. Да и слушала ли она его раньше?

– Кликни еще пажей и вели принести розги, – обратилась хозяйка к Лизетте, – запорем нахала до смерти, моя хоро-

шая.

Горничная сделала книксен и скрылась за одной из дверей. Гость явно напрягся, но он был столь слаб, что не смог бы оказать достойного сопротивления и решил остаться в уже занятой позе.

Алана же, не теряя времени даром, поманила к себе другую служаночку и усадила ее к себе на колени.

– Смилуйтесь, моя госпожа, ведь я... – попытался как-то оправдаться несчастный, но от него лишь отмахнулись:

– Вас все равно никто не слушает. Поберегите силы, я хочу увидеть зрелищную казнь. Красная кровь на зеленом ковре, какой пикантный диссонанс, моя милая, – заворковала принцесса, обращаясь к прижимающейся к ней всем телом горничной, – И зачем мне замуж, не подскажешь, Кати? Мужчины! Они ведь так вульгарны, мое солнышко. И того им от тебя надо, и этого... Да еще подумать только, наследника! А лучше не одного, а парочку на всякий случай: вдруг старшенького чума заберет или сифилис. Рожать наследников! О, упаси Иериаль. Это же конец фигуре! Да если б дело было только в этом. Мужчины, фи! Как куцы их фигуры! Определенно, Матушка-Природа собрала в них все недостатки света.

– Госпожа! Моя госпожа! – Возопил высоким срывающимся голосом несчастный в помятых латах. Да и не мудроно, что возопил: в зал явилась пара пажей с розгами.

– Да не причитай ты раньше времени! – рассерженно на-

дула губки Алана, – воистину, ни одной добродетели нет у этого «сильного пола»!

– Я не принадлежу к сильному полу! – раздался отчаянный визг из-под шлема.

Глаза хозяйки башни зло сверкнули.

– А вот обманывать меня не надо, любезный. Я барышню от мужика отличить пока еще в состоянии, будьте благонамеренны. А ну сдерите вы уже с него этот металлолом! – прикрикнула она на пажей, – не по железкам же вы его стегать намереваетесь. Да заодно и посмотрим в его наглые бесстыжие глазоньки, когда обман раскроется! – и она даже сочла необходимым стукнуть тонкой ручкой по резному подлокотнику, оторвав ее от приятных округлостей фигуры Кати.

Слуги не вполне умело принялись разоблачать человека, чья половая принадлежность теперь стояла под вопросом. Руки, ноги и туловище были освобождены без особых затруднений, но для того, чтобы избавиться от шлема, пришлось сбегать за кое-каким подручным инструментом.

И наконец, преодолена последняя преграда: испорченный шлем стащен с головы пленника. Пленницы! Перед принцессой стояла девушка. Обладательница темных глаз и фонаря под одним из оных. Личико у нее было мягкое и нежное, попорченное разве что синяком и длинноватым носом, а каштановые волосы заплетены были в тугую недлинную косичку. Правда была она слегка высоковата и крепковата для барышни, но все-таки...

– О! – Воскликнула Алана, пожирая нечаянную гостью алчущим хищным взглядом, – Да это же меняет дело! Полностью меняет! Я бы даже сказала, что это ставит все на свои места. Теперь сама судьба велит мне жить в законном браке с женщиной. Как славно. Жаль только бедняжку Мот... Она хотя бы недолго мучалась? Вы быстро кончили дело? – и тут же обратилась к слугам, – а вы что рты пораззявили?! А ну бегом за вином для гостыи! А в общем, нет: сервируйте ужин на двоих в моих покоях.

И спустя несколько минут прекрасная Алана уже потчевала свою гостью разнообразнейшими блюдами и винами, не забывая при этом нежно ворковать:

– ...правда батюшка может взбунтоваться, но ведь для того все и было затеяно... Не принято девку за девку выдавать... Тем более в правящей династии. Тем более наследную принцессу. Ох, чую будет скандал! Хотя... Вы ведь можете явиться к нему на поклон на коне и в доспехах, как положено рыцарю, и тогда он до самого венчания не узнает о нашем маленьком секрете. А когда свадьба будет уже сыграна, настанет время и для сюрприза. Батюшка вмиг добела поседет, когда поймет...

Все же я определенно начинаю верить в счастливую звезду. Ну должно же было так случиться, чтобы мой рыцарь оказался девицей.

– Технически я не рыцарь вовсе, Ваша милость, – осмелилась вставить словечко гостыи, – а совсем даже скромный

оруженосец.

– Это уже хуже, – нахмурила тонкие светлые бровки Алана, – но это же не имеет никакого значения, если именно Вы, моя лапушка, сразили дракона.

– Дело в том, моя госпожа, что и дракона я не имела чести сразить, – тихонько сказала девушка, упираясь взглядом в скатерть.

– Как? – Изумилась принцесса, – это же не возможно! Я сама видела: Мот бьется в агонии, и Вы лежите рядом...

– Это Вы увидели совершенно верно, моя госпожа. Но от Вашего взгляда утаилась одна существенная деталь: тело моего господина, пронзившего сердце несравнимой ни с кем по свирепости Мот, которое погребено теперь под драконьим брюхом.

Алана нервно застучала было ножкой по плитам пола, но тут же расслабилась, и на ее подкрашенных яркой помадой губах снова появилась улыбка.

– Вот и верно, что оно там погребено. Кому в голову взбредет ворочать тушу издохшей драконихи? Никому ровным счетом. А значит никто и не узнает, что под ней лежит настоящий рыцарь.

Гостыя печально вздохнула и залпом допила вино из своего бокала.

– Что такое, моя девочка? – в серых глазах Аланы появилось сочувствие.

– Жаль рыцаря Серебряного Карпа. Он так и останется без

настоящей могилы и всех почестей, которых достоин любой рыцарь.

– Вы о своем господине, моя родная? Забудьте, забудьте, милочка! Теперь Вы сама себе хозяйка. Больше того: вы можете стать в перспективе королем!.. Хотя нет, расскажите мне лучше о нем. Чем он заслужил Вашу благосклонность и каким образом Вас вообще свела судьба?

И гостья начала свой рассказ.

* * *

Ветви деревьев возникали как будто из ниоткуда, стремясь вцепиться мне в волосы или выколоть глаза.

И чего меня потащило по дороге, которая и на дорогу-то не похожа? Даже для меня, жительницы одной из позабытых Богом деревушек, это была скорее лет сто назад заброшенная тропа. Но я пошла, потому что это, видите ли, самая короткая дорога! И куда? К мифическому озеру, о котором давным-давно рассказывала мне бабушка, чтобы я лучше засыпала. В зеркальной поверхности чистейших вод того озера можно увидеть свою судьбу, а озеро то находится аж на краю Арденских земель. Причем не на том краю, на котором расположена моя родная деревенька, а совсем даже на противоположном, но я все равно потащилась! И почему? Из любопытства бабьего, да будь оно неладно! Не интересно, видишь ли, узнавать благодаря гаданиям, с какой стороны суженый

придет. Интересно в озере лицо его увидеть!

Вот я и отправилась на другой край Ардении, и только через несколько дней после того, как покинула дом, поняла, сколь глупа была моя затея. Но повернуть обратно я уже не могла. Теперь мне один только путь – к волшебному озеру, в котором я, возможно, увижу, как возвращаюсь домой, стора я от стыда.

Лошадка, на которой я ехала, в очередной раз споткнулась о какую-то корягу. Меня вновь кольнула совесть. Ну коли сама дура, то пропадай, пожалуйста, но зачем из дома уводить единственную лошадь? Как там теперь батюшка обходится без нее? Да, дома меня ждет если не смерть от стыда, то от папенькиных кулаков точно.

Лошадка, которую я из-за масти звала просто Пегая, с треском пробиралась сквозь сплетенные ветки кустов и то и дело спотыкаясь о торчащие из земли корни. Животное устало и двигалось шагом.

«Наверное, она сейчас думает о сене или о сочной молодой травке, – подумала я, – потерпи, родная, скоро сделаем привал», – добавила я, вслух обращаясь к кобыле.

В следующий миг я что-то резко дернуло меня за волосы назад, и я полетела спиной на землю.

«Проклятые деревья с их проклятыми сучьями!» – подумала я, падая.

И тут я встретилась с землей, которая, судя по полетевшим у меня из глаз искрам, была не очень-то рада встрече.

«Я конечно задумывалась о скором привале, но не настолько же буквально!» – была моя вторая мысль.

Пока я с умилением рассматривала звездочки и круги, мельтешащие перед глазами, меня начали ощупывать чьи-то руки. Я крепко зажмурилась, а затем, распахнув глаза, увидела вокруг себя несколько мужчин. Одичавшие, со спутанными волосами, в давно истрепавшейся одежде, они казались дикими зверями. Один держал Пегую за поводья и смотрел на нее жадным, голодным взглядом. Еще двое склонились надо мной, методично ощупывая каждый сантиметр тела. К своему ужасу в их глазах я увидела тот же голод, что и в глазах державшего лошадь. Ими владел чисто гастрономический интерес.

«Сожрут! – внезапно поняла я, – и меня, и Пегую. Сожрут вместе с остатками хлеба и сыра, завалившимися в котомке».

От страшной мысли в горле встал ком. Захотелось завизжать, громко, долго, пронзительно, как я делала, когда кто-нибудь из братьев подкидывал мне на подушку дохлую мышь, но из горла вырвался только какой-то странный булькающий звук, похожий на рык.

Я так просто не сдамся! Даже если они меня в итоге слопают, то, по крайней мере, зубов у них поубавится.

Двое все еще были рядом со мной, но никто не пытался удержать мои руки и ноги. Видимо они не ожидали, что я так быстро приду в себя.

«Ну хоть в чем-то повезло», – подумала я и поддала коле-

ном одному из ошупывавших меня мужланов.

Тот взвыл от неожиданной боли и обиды, а я отпихнула от себя второго и вскочила на ноги. Но в стоячем положении я продержалась недолго. Уже через пару секунд кто-то сильно ударил мне под колено, и я снова повалилась на землю. На этот раз ко мне подскочило трое. Один вцепился своими огрубевшими руками с грязными обломанными ногтями мне в горло, а другие начали сноровисто стягивать мои руки и ноги веревкой. Дышать было трудно, и все вокруг постепенно начало кружиться, темнеть и расплываться.

Где-то раздалось ржание.

Прости, Пегая, девочка, я тебе уже ничем не помогу.

С той же стороны, откуда долю секунды назад доносилось ржание, раздался свист рассекаемого воздуха. Мне представилась ужасная картина: огромный топор со всего размаха обрушивается на шею Пегой. Хлещет кровь, и лошадка падает на землю. Но вслед за свистом раздался не лошадиный, а человеческий вопль. Дикий, почти первобытный, полный боли, но все же человеческий. Державшие меня мужчины тоже завопили и бросились бежать.

Воздух снова нашел путь к легким, и после пары вдохов зрение пришло в норму. Я увидела, что ко мне подходит мужчина в блестящих доспехах, а невдалеке, рядом с моей Пегой, стоит красивый жеребец под дорогим седлом.

«...и ее спас рыцарь без страха и упрека, самый доблестный и благородный из всех рыцарей Ардении», – саркасти-

чески подумала я.

– Поднимайтесь, барышня, – сказал мужчина, протягивая мне руку.

– Я парень, – буркнула я и, проигнорировав предложенную помощь, стала неловко подниматься сама, попутно скидывая с себя незатянутые петли веревок.

Если кто-нибудь когда-нибудь спросил бы меня, зачем я это сделала, я бы ни за что не смогла ответить. Ну не хотелось мне быть девой, вырванной из лап чудовищ и все тут. А если бы я тогда промолчала, все могло бы быть совсем иначе, но...

– Ну парень так парень, – покладисто согласился рыцарь, – да и как я мог спутать? Дикое тут место, дружище, – резко сменил он тему, – опасно путешествовать по таким землям в одиночку. Позволь спросить, куда ты направляешься? Быть может, нам по пути.

– Да никуда, – взвилась я. И, сразу же успокоившись, добавила, – просто путешествую.

– Ааа, – протянул мой собеседник, – ну тогда нам наверняка по пути. Ты же конечно хотел бы посетить Ниарис, а я как раз туда и направляюсь. Скоро там будет турнир, который устраивает наш король, мудрейший из правителей, и я хочу принять в нем участие. Да, и позволь представиться: я – рыцарь Серебряного Карпа, – и он ткнул пальцем в рыбу, украшающую нагрудник его лат, – конечно, это не настоящее мое имя, но я дал обет, и так я буду зваться, покуда не сдер-

жу данного мною слова, не будь я... Хотя не важно... А как твое имя, парень?

Странный он какой-то. Чудаковатый и немного пафосный, хотя вполне вежливый. Только я себе рыцарей как-то по-другому представляла. Менее доверчивыми, что ли.

Быстро рассудив, что в компании рыцаря, пусть даже немного странного, путешествовать все же безопаснее, чем в одиночку, я буркнула ему в ответ что-то невразумительное.

– Что ж, именно так я и буду тебя звать, – просиял тот и, направился к своему коню.

Ну разве это не странное поведение?

– Однако пора в путь. Турнир нас ждать не будет, – продолжил он и вскочил в седло.

Я проделала то же самое, только явно с меньшим энтузиазмом. Но не успели мы двинуться в путь, как рыцарь, хлопнув себя по лбу, чуть не кувырком скатился с седла. Приземлился он, однако, твердо и устойчиво, наверное даже ловко, на обе ноги.

– И надо же, надо же! Ведь чуть не забыл! – сокрушался он, – ну что же ты медлишь, юный друг? С коня, с коня, мой мальчик, да поживее, ты же знаешь, я дьявольски спешу!

Вот идиот! Неужели он считает, что ведя коня в поводу, он будет двигаться быстрее? Не поторопилась ли, когда согласилась на его компанию?

Видя, что я не тороплюсь, среброкарпый в нетерпении замахал руками.

– Ну, давай скорей! Преклонишь колено, поклянешься мне в вечной верности как господину рыцарю и поедем уже.

– А с чего это я должжж...ен вам кланяться? – осмелилась нахамить я.

– Ах, что за время? Что за нравы? – запричитал рыцарь, – и молодежь совсем не та пошла! Ну как же, мальчик, как же? «...И, спасенный рыцарем от неминуемой смерти, он преклонил пред благодетелем колено и поклялся в вечной преданности ему, как своему господину, ибо спасенная жизнь – есть дар наиценнейший». И далее по тексту: он становится оруженосцем спасителя и весь свой век странствует со своим господином, мечтая в кровавом бою спасти ему жизнь, чтобы уплатить неоплатный долг свой. Некоторым, кстати, удастся.

Поддавшись напору рыцаря, я слезла с Пегой и опустилась на одно колено.

– О, пресвятейший Иериаль! – вновь запричитал мой чересчур эмоциональный знакомец, – на другое, мальчик, на другое колено! Ну ничего же ведь не знают! Ах, куда катится мир? Повезло же на оруженосца! Подсуетилась судьба-индейка... Или как там говорят?.. Злодейка, пигмейка... Что-то вроде этого... Ну да ладно, я тебя вышколю. Еще бы не вышколить, ведь в столицу еду, не срамиться же там. Клянусь собой, что к моменту, когда ты будешь въезжать в Ниарис, твои знания этикета будут идеальны.

Пока он сотрясал воздух, я поменяла колено и тихо ждала,

когда сия тирада, наконец, завершится. Рыцарь, к чести своей, заметил мое послушание достаточно быстро. Он что-то буркнул себе под нос, а затем громко, четко и с расстановкой начал декламировать клятву, которую полагалось произнести в моем случае, делая паузы, чтобы я успевала повторять за ним.

– Эту клятву выучишь назубок сегодня же, – сказал мне мой новый господин, когда мы покончили с официальной частью, сели на лошадей и отправились-таки в путь, – правда вряд ли тебе когда-то придется произнести ее вновь. Ведь ты теперь мой оруженосец, хотя со временем тебе, возможно, удастся совершить подвиг и вернуть мне долг, и тогда ты сам станешь рыцарем. Правда эту клятву произносят чаще всего лишь один раз в жизни, но, образования ради, ее стоит знать. Я вобью ее в твою молодую пустую голову, будь спокоен.

И он не обманул. Закончив свои рассуждения, он стал четко и с выражением декламировать текст клятвы. Закончив ее, он начал заново, а потом снова и снова.

Мы остановились на привал. Я развела костер, а он все твердил и твердил как попугай одно и то же. Когда я уснула, он, наверное, не умолк, хотя если и умолк, каждое слово навязчиво вертелось в моем мозгу.

Проснувшись утром, я слышала многое: щебет птиц, шорох листвы, стук белых коготков о зеленые ветви, но слов клятвы слышно не было. Мой господин молчал.

– Как спалось? – Любезно осведомился он, увидев, что я

проснулась и села.

– Отныне я, Ваш верный слуга и преданный товарищ... – против своей воли начала я бормотать текст клятвы в вечной верности господину вместо ответа. Правда, это был отрывок из середины установленного этикетом текста, но это уже мелочи. Поняв, что я собственно говорю, я быстро умолкла, а рыцарь расплылся в улыбке:

– Ну вот, уже значительно лучше. Правда, думаю, стоит повторить еще пару раз.

После закрепления материала, мы перешли к изучению других правил хорошего тона. И мой бедняга рыцарь очень старался. По вечерам, во время стоянок, он вбивал в мою бедную голову все новые и новые правила поведения. Он не утихал, даже когда мы ставили капкан на зайца или ловили рыбу, а так же во время приготовления пищи и ее поглощения. Казалось, что у него где-то есть второй рот, которым он вещал, пока основное ротовое отверстие было занято пережевыванием пищи. Днями же мой господин разглагольствовал о политике и моде, доносил до моего сведения последние сплетни и сетовал на необразованность и твердолобость нынешней молодежи.

Но мое обучение не ограничилось одними словами.

– Эгей, стоп, стоп, мой юный друг, – заявил мне мой господин, когда мы проезжали по улочке какого-то провинциального города, – пора обзавестись настоящим добрым клинком, – сказал он и указал на вывеску, где крупными корявы-

ми буквами было написано «КУЗНЕЦ».

Боги, чего только не было у кузнеца! Такому мастеру бы жить в столице. Правда, это я понимаю только теперь, а тогда мне казалось, что помещение завешано металлоломом. Рыцарь Серебряного Карпа с воодушевлением тыкал пальцем то в одну штуковину, то в другую, примерял их к ладони, крутил в руках, проделывал с ними пируэты.

– Замечательно! Просто изумительно сработано, милейший, – подвел он итог, окончив свои упражнения, и вернув оружие добряку кузнецу, – меч мне, пожалуй, нужен тот и еще вон тот, что покороче на ладонь да полегче. И пару копий... вон тех, пожалуй. Да, и еще нужна броня для моего оруженосца.

Кузнец был человек понятливый и расторопный. Через три четверти часа все, что желал приобрести мой господин, уже двигалось вместе с нами по направлению к столице.

– А зачем нам столько... – я замялась, потому что хотела сказать «барахла», но вовремя одумалась.

– Оружие, мой мальчик, должно быть при рыцаре всегда.

– Но у Вас же оно и до этой покупки при себе было, – возразила я.

– Запас, мой друг, карман не трет, – послал мне лукавый взгляд рыцарь.

– Хорошо, с оружием понятно, – смирилась я, – но зачем мне латы?

– Ты это скоро узнаешь, намного раньше, чем полага-

ешь, – хитро сказал мой господин и начал вертеть головой по сторонам.

Тогда я подумала, что он делает это для того, чтобы скрыть от меня плутоватое выражение своего лица, но он всего лишь искал постоянный двор. Впрочем, таковой обнаружился достаточно скоро. Хозяин выскочил на порог своего заведения, радушной улыбкой встречая господина рыцаря и его оруженосца.

– Добро пожаловать, господин! – запел он медовым голосом песню, которую любой трактирщик знает назубок, – я прямо как чувствовал, что именно сегодня у меня остановится такой почтенный господин как Вы! Нынче утром закололи свинью, которая жарится сейчас в моей жаровне! Нежная, сочная! Что же касается вин, могу с гордостью сказать, что мои запасы – самые лучшие в окрестностях. А может Вы желали бы снять комнату? О, у меня есть прекрасная ком...

– Все, мы возьмем все и сразу же, любезный хозяин, но только если Вы предоставите нам кроме обозначенных выше еды, выпивки и комнаты еще и свой задний двор, – перебил мой хозяин трактирщика.

– Задний двор для господина? – трактирщик, похоже, сталкивался с такой просьбой впервые и был ею не на шутку изумлен.

– Да, бездельник, задний двор. И желалось бы получить ответ быстрее, ибо он нужен нам только в остаток светлого времени суток.

На лице трактирщика отразился сложный мыслительный процесс, результатом которого стало заявление:

– Да пользуйтесь, господин, сколь Вам угодно будет!

– Вот и славно, друг мой, вот и славно, – обратился рыцарь ко мне, – поспешим же, солнце не будет нас ждать и сядет когда положено. Да мечи прихвати.

И мы тут же отправились на задний двор заниматься... Чем бы вы думали? Фехтованием.

– Хороший оруженосец должен уметь знатно управляться с мечом, мой мальчик! – кричал среброкарпый мне, войдя в раж, – отскок! Разворот! Пригнись! Убит. Ну ничего, ничего, ты определенно делаешь успехи. Лет эдак через семь-десять станешь отличным воякой!

С того самого вечера начались упражнения с мечом и копьями. А через некоторое время мой господин решил, что мне следует сменить лошадь на более достойного скакуна, и начались тренировки в верховой езде. О, сколько несущек мы напугали до полусмерти на задних дворах гостиниц и трактиров! Такого числа, наверное, не знает и самый ученый человек мира. А сколько я набила себе синяков и шишек...

Но главное, что когда мы въезжали в Ниарис, рыцарь Серебряного Карпа сказал мне:

– Я горд, мой мальчик. Горд тем, что появлюсь на глаза короля в достойной компании.

Я зарделась, что маков цвет! Такая похвала. Вот только знать бы мне тогда, чем обернется этот комплимент...

Но обо всем по порядку.

Мы прибыли в столицу как раз вовремя: вечером того же дня светлый король Ардении Драуман давал ужин всем рыцарям, что собрались на турнир. Сам же турнир должен был начаться следующим утром.

До начала званого ужина было еще время, и мы расположились в одном из постоялых дворов. Мой господин послал одного из трактирных слуг к мастеру, который брался обновлять гербы на обмундировании и щитах. Тот согласился на срочный заказ, и когда мы выезжали на ужин к королю, на груди моего господина сиял серебром чистенький и молоденький карп. Моя грудь была украшена ровно такой же рыбешкой.

«И конек у меня славный да ладный, не хуже хозяйского, и сама в чистом и новом, и даже герб на груди. Нет, определенно, любит меня хозяин, ценит», – думала я, лениво покачиваясь в седле и с приятною замечая уважительные взгляды горожан.

Я самозабвенно пялилась на фонтаны и статуи, мимо которых мы проезжали, стараясь при этом выглядеть так, будто с младенчества знакома с подобной роскошью. Это занятие потребовало всего моего внимания.

– Хорош городок, а? – добродушно осведомился рыцарь, – не теряйся, парень, ты не хуже. Сам убедишься.

Тем временем мы подъехали ко дворцу. Такого величественного здания я еще никогда не видела. Казалось, от него

даже пахнет роскошью. Парки, площади и фонтаны, увиденные прежде, поблекли и отошли на второй план. Дворец просто околдовал меня.

А вернул-таки меня к реальности голос моего господина, который, надо сказать, исходил с непривычной стороны. Да и говорил рыцарь что-то уж совсем неправильное.

– Разрешите помочь Вам спешиться, господин, – возгласил рыцарь Серебряного Карпа откуда-то снизу и слева.

Я завертела головой и увидела сначала хозяйскую лошадь без седока, а потом и самого рыцаря, который придерживал мне стремя. Это зрелище вогнало меня в ступор.

– Вас все еще беспокоит Ваша рана, мой господин, – участливо продолжил Среброкарпый, видя как увеличиваются мои глаза, – позвольте помочь Вам и сопровождать Вас во дворец, дабы прислуживать Вашей милости за трапезой.

– Д-да... Да, конечно, – выдавила я из себя и наконец-то покинула хребет своего скакуна, которого тут же взяли под уздцы дворцовые слуги.

Мой господин, внезапно ставший моим слугой, шагал со мной бок о бок, всем своим видом выражая полную готовность подхватить своего якобы раненого хозяина.

«Какого лешего все это значит»? – соображала я, поднимаясь по высокой мраморной лестнице, ведущей к огромным резным дворцовым воротам. Специально споткнувшись на одной из ступеней, я охнула, будто потревожила несуществующее ранение. Мой господин мгновенно подхватил ме-

ня, помогая устоять на ногах. Этим-то моментом я и воспользовалась, чтобы шепотом сквозь зубы поинтересоваться:

– Что за балаган Вы устроили?

– Боевое крещение, мой мальчик, – так же тихо ответил он мне, – покажи этим снобам, как следует вести себя при дворе. Я на тебя рассчитываю. И помни, я назвал тебя своим именем, не запятнай его позором, – и он склонился в почтительном поклоне, пропуская меня вперед.

Теперь я поняла, насколько серьезно меня подставили. Из села и сразу к королю на званый ужин. Ну держись, рыцарь Серебряного Карпа, если оплошает твоя ученица. Хотя не оплошать и в моих интересах тоже. Вешать-то, если что, будут именно меня.

Поначалу затруднений у меня не было. Заблудиться так точно не имелось возможности: все вокруг гудело, и, казалось, каждый сантиметр площади и лестницы был занят если не рыцарем, то оруженосцем, а если не оруженосцем, то придворной дамой в ослепительном наряде. Все они стремились вверх по лестнице и проходили через высокие дубовые двери в огромный зал.

– Рыцарь Серебряного Карпа с оруженосцем! – звучным голосом возвестил о нашем прибытии мужчина в ливрее, стоящий у самого входа, стоило нам только переступить порог.

Повсюду было светло, чисто и красиво. Богатые портьеры,

яркие гобелены, золотые канделябры и серебряные столовые приборы, сверкающие на большом длинном столе. Вокруг то и дело мелькали слуги. Кто таскал из кухни блюда с различными яствами, а кто указывал гостям их места за столом. Гости же чинно прохаживались среди всего этого изобилия и заводили друг с другом светские беседы, чувствуя себя так непринужденно, будто гуляли по собственному двору, а не по королевскому дворцу.

– Его светлейшее величество король Ардении Драуман! – раздалось вдруг над всем этим гудением, и мгновенно воцарилась тишина. Гости обернулись к золоченой двери, из которой должен был появиться король, и заранее склонились в поклоне. Мы с господином последовали общему примеру.

«Черт, так же не видно ничего! – с досадой подумала я, – как же мы узнаем, что он уже здесь, если стоим, уткнувшись в пол?» – и я завращала глазами, стараясь увеличить поле зрения. Ой, как хорошо, что никто не видел этих моих упражнений в пучеглазости. Не поняли бы.

Ответ на мой вопрос не заставил себя ждать. До моих ушей донеслись твердые, неторопливые шаги, а через пару мгновений я увидела краешек туфли с начищенной до блеска пряжкой.

«Так вот она какая, поступь монарха», – подумала я и, на всякий случай, согнулась еще сильнее.

– Полноте, полноте, друзья! – полился по зале завораживающий баритон, – вы все мои гости, а многие из вас – мои

добрые знакомые. И все вы приглашены на добрый ужин. Так давайте же и займемся ужином, – Драуман направился к своему месту за столом, показывая собравшимся пример.

Гости распрямились, но двинулись со своих мест только после того, как король занял почетное место во главе стола.

Когда все наконец расселись, начался пир, воистину достойный этого дворца. Блюда и вина изумляли обилием и разнообразием, а созванные со всех концов Ардении барды услаждали слух трапезничающих. Отовсюду сыпались тосты «за мудрого короля Драумана», «за славные победы», «за грядущий турнир». Я посчитала, что негоже мне отставать от прочих и решила тоже произнести какой-нибудь тост, да такой, чтобы все гости поддержали его одобрительными возгласами и рукоплесканиями.

– Выпьем! – возгласила я, поднявшись со своего места, и замолчала, потому что не успела придумать, за что собственно предложить осушить бокалы. В поисках идей я начала обводить взглядом гостей, и тут в поле моего зрения попала очаровательнейшая дама. Чрезвычайно молодая и привлекательная, в роскошном платье, блистающем драгоценными камнями, она сидела по левую руку от короля. Рядом с нею Драуман казался еще более зрелым, чем был в действительности. Король подал молодой особе вино и благосклонно проговорил ей что-то в полголоса.

– Выпьем! – повторила я немного заплетающимся языком, – за прекраснейшую даму Ардении!

– Замечательный тост, – промолвил Драуман, – но прежде, чем мы выпьем, скажите нам, храбрый юноша, о какой даме идет речь?

Несколько смутившись, я снова бросила взгляд на барышню, соседствующую с монархом. Она, лукаво прищурившись, глядела то на меня, то на правителя.

– За прекрасную дочь нашего владыки, великого Драумана! – провозгласила я и опрокинула чарку под всеобщие возгласы одобрения.

Что-то неуловимо изменилось в лице дамы. Кажется, она рассердилась, но король был явно доволен.

– Вы находите мою единственную дочь достойной такого комплимента, юноша? – спросил он, благосклонно улыбаясь.

И меня понесло. Наверное, вино затуманило мой рассудок, и я говорила и говорила. О красе несравненной прелестницы, о всех ее добродетелях и о том, что рыцарь Серебряного Карпа, готов свершить для нее любой подвиг и сложить к ее ногам головы врагов, а вместе с ними и свое сердце. Гости благоговейно ахали, а король смотрел на меня и слушал очень внимательно. Когда же я иссякла и села на свое место, поднялся Драуман и произнес какую-то торжественную речь, суть которой благополучно ускользнула от меня благодаря хмелю. Когда же король кончил говорить, собравшиеся разразились восторженными криками и рукоплесканиями. И снова вино, вино, вино.

Первой моей мыслью на утро было отчаяние: уже всюю

светило яркое солнце, а я не вычистила коня господина и не подготовила к турниру его латы и оружие. Я попыталась подняться на ноги, дабы отправиться в конюшню, но в голове что-то бухнуло, словно церковный колокол, а предметы мебели заплясали перед глазами польку. Хотя может это был вальс...

«Что это за место?» – подумала я.

– Постоялый двор, комната, снятая нами вчера по прибытии, – отозвался мой господин, сидящий рядом со мной. Либо я думала вслух, либо мой господин обладал даром чтения чужих мыслей, либо же моя растерянность была написана на лице. И мне почему-то кажется, что верно именно третье.

– Господин, мне стыдно, я виноват... – забормотала я, стараясь как-то оправдаться.

– О, не стоит, не стоит, мой голубь! Ты был великолепен! Ты просто блистал! Ни у кого нет такого оруженосца как у меня. Никто никогда не сможет похвастать оруженосцем, которого можно выдать за себя и не покраснеть от его манер!

– А как же турнир? – спросила я, довольная похвалой.

– Какой турнир? – изумился рыцарь.

– Ну как же? Тот, ради которого мы сюда и ехали.

– Ах, это, – махнул рукой рыцарь, – забудь. Не актуально.

Благодаря тебе нас ждут настоящие свершения!

– Почему забыть? Какие свершения?

– А ты что же, совсем ничего не помнишь? – лукаво взглянул на меня мой господин.

Пошарив в закоулках своей памяти, я была вынуждена признать, что сведений о предстоящих нам подвигах в ней нет.

– Ох уж это мне вино, – усмехнулся рыцарь, – ну хоть как ты пел дифирамбы единственной и несравненной дочери короля, обворожительной Алане, помнишь?

Я кивнула. Зря. В голове снова бухнуло.

– Как рассвирепела супруга Драумана, это надо было видеть. Он вступил в брак в четвертый раз буквально пару месяцев назад, и молодая королева еще не привыкла, что кто-то может восхищаться не ею.

– Так та особа, что сидела подле короля, была его жена? – изумилась я.

– Ну почему же «была»? Полагаю, она и сегодня ей является, – слегка пожал плечами мой рыцарь.

– А кто же тогда?..

– А ты ее не видел, – поняв меня с полуслова рыцарь, – она не присутствовала на этом ужине. Госпожа Алана затворница, знаешь ли. Изволит вместе со своими горничными, портными и личным поваром проживать в башне, охраняемой драконом. Кстати туда-то мы и направимся сразу же, как только ты придешь в годное для поездки состояние.

– Так та речь Драумана... это было напутственное слово? Он отправил меня отбивать наследную принцессу у дракона? Мол, благословляю на подвиг, душой и мыслями я с вами?

– Вот именно, мой отважный друг! – не распознал моего

сарказма мой господин. Или может только притворился, что не распознал, – ей богу, такого удалого оруженосца нет ни у кого во всей Арденнии, хоть от края до края прочеши! А теперь на-ка выпей вот это, полегчает. И сразу в путь!

Таким вот странным образом бесшабашный рыцарь с непутевым оруженосцем отправились навстречу приключениям, оснащенным крыльями, огнедышащей пастью и носящим имя Мот.

Понятия не имею, зачем господину понадобился тот цирк, что он устроил на приеме у короля, и черт меня задери, если когда-нибудь пойму. Возможно, таким образом он хотел проверить, хорошо ли выучил меня манерам, а может быть просто развлекался. Кто знает? Не до вопросов мне было тем похмельным утром, а теперь-то и спросить уж некого.

Путь был не так труден и долог, как описывают его в своих балладах барды. Напротив, любой житель Арденнии уже знал о нашей почетной миссии и готов был помочь нам всем, чем только мог. Так что единственным препятствием на пути к спасению принцессы остался злобный большущий дракон.

Я не сразу заметила эту зверюгу, потому что она лежала неподвижно, как скала. А когда она неожиданно взвилась на задние лапы, пыхнула огнем и бешено взмахнула здоровенным чешуйчатым хвостом, я не успела ничего сделать. Огонь, к счастью для меня, был направлен в сторону моего господина. Тот успел увернуться от струи пламени, а вот я от драконьего хвоста – нет. Меня сшибло с коня, и хорошенько

приложило оземь, после чего я потеряла сознание. Не знаю, надолго ли, но когда я снова стала понимать, что происходит вокруг, рыцарь как раз вонзил свой меч в грудь дракона. Тот издал последний в своей жизни рев и в судорогах медленно повалился на землю, похоронив под собой моего господина.

* * *

– Он научил меня всему, что я знаю теперь, и мне жаль, что для него не будет могилы, – закончила свой рассказ девушка.

– Ну, полно печалиться, моя рыбка, – успокаивающе сказала ей Алана, – выпей вина и ступай отдыхать. Лизетта проводит тебя в отведенные тебе покои.

Пригубив предложенный бокал, девушка раскланялась с хозяйкой и направилась вслед за служанкой. Ее и вправду манили к себе пуховая перина и многочисленные подушки, но оказавшись в спальне одна, она сразу же метнулась к окошку.

– Высоковато, – досадливо протянула она и бросилась обратно к постели, чтобы воспользоваться давно известным всем беглецам трюком.

Через час взошедшая луна осветила каменную башню. Из одного ее окошка свисал до самого подножия длинный канат, связанный из простыней, наволочек и балдахина, порванных на полоски. А уже спустившаяся беглянка торопли-

во, но тихо и осторожно двигалась по направлению от башни. Домой! Домой. И не надо никакого волшебного озера. В поисках предсказаний будущего можно и вовсе этого самого будущего лишиться.

* * *

– Брехня, – сказал трактирщик, забирая опустевшую кружку, – хотя для байки очень даже ничего.

– Ну, вообще-то это чистая правда, – возразил бард, – я бы Вам не советовал особо часто ее пересказывать, сами понимаете.

– Да что ж Вы, господин, совсем меня за дурака принимаете? Неправда это. Наследная принцесса, и вдруг такая срамота. Да ни в жизнь! По крайней мере, не в нашей стране. Так что мой Вам совет: не рассказывайте это больше. Ну, или имена поменяйте. Я-то с чувством юмора, я понимаю, сказка, а другие могут и донос накропать.

Корчмарь покачал головой и, видимо считая разговор завершенным, развернулся и вразвалочку направился к кухонным помещениям.

– И что же, даже супа за историю не дадите? – спросил ему вдогонку бард.

– Пива за историю выше крыши хватит, а хотите чего еще – платите.

Бард вздохнул.

«Видать, он сейчас на мели, – подумала Рапсода, – но своей, надо помочь».

– Будьте любезны, добрый хозяин, принесите-ка нам с приятелем по кружечке глинтвейна, да погорячее, – крикнула она в спину корчмарю, бросая на стойку монетку, – Рапсода Скерцанда Виваче по прозвищу Си-Диез не даст брату-барду помереть от жажды.

Хозяин, услышав любезный сердцу звон, засуетился и заторопился к кухне, что-то бормоча себе под нос.

– Присаживайся, коллега, – сделал приглашающий жест бард и невесело улыбнулся, – заработать, как ты поняла, здесь не удастся. Этот дурень из певцов знает только местную бабку-плакальщицу, которая за серебрушку воет на похоронах.

Артистка опустилась на предложенный ей табурет. Карие глаза, привлекательное, но серьезное лицо. Нет, она точно раньше нигде его не видела.

«Неужто он и вправду известный бард», – гадала Рапсода, разглядывая нового знакомого.

– Не пытайся, все равно имени моего ты не вспомнишь, – улыбнулся бард, явно понявший, о чем думала его собеседница. Улыбка получилась чуть менее грустной, – или вспомнишь сразу десять. Такая уж я нестандартная, однолика, но многоименная личность. Можешь звать меня хотя бы Кредом. Но это не так уж и важно. Важно помогать друг другу. Взаимовыручка...

– А про принцессу... Это правда? – не удержалась Рапсода и отхлебнула принесенного хозяином глинтвейна. Перстень на ее руке блеснул, отразив солнечный свет.

Бард по имени Кред сощурился, будто яркий отблеск попал ему в глаза.

– Правда, – коротко ответил он, грея ладони о свою кружку, – недавно она была доставлена из башни обратно во дворец к отцу, который теперь глаз с нее не спускает. Ну не самолично, естественно, на то существуют специально сформированные структуры, так сказать... А сам мечтает выпихнуть бунтарку замуж, дабы избавить себя от столь взрывоопасной барышни, и, надо сказать, не только он... Но это уже другое, об этом потом. Слыхала, Зеленая Песня вот-вот завершит очередную балладу.

– Н-нет, – певица была поражена. Барды не большие любители делиться друг с другом творческими планами. Хотя может это черта только начинающих и не особо известных, а наверху все происходит совсем по-другому?..

– Интересно, правда? В «Трех ключах», это один из столичных трактиров, можно будет узнать подробнее.

У Рапсоды аж дух захватило. Ее приглашают в Ниарис! Да по какому поводу! Встреча, посвященная новой балладе барда, развлекающего королей, не может обойтись без ее, Рапсоды, присутствия! Первое мероприятие такого масштаба, в котором она сможет принять участие. Конечно, она будет там.

Видно вся гамма переживаемых ею чувств отразилась на ее лице. Собеседник Рапсоды удовлетворенно хмыкнул и встал из-за стойки.

– Заработать здесь, к моему глубочайшему прискорбию, не удастся, а значит и задерживаться я не намерен, – сказал он, оправляя одежду, – мне нужно спешить. Да и тебе я торчать здесь не советую, – и он уже собрался было уходить, но Рапсода не могла отпустить его так просто.

– Эй, а когда?

Кред обернулся.

– Когда в «Трех ключах»?

– Через три дня, – тихо ответил тот, – можешь поехать со мной, раз уж нас объединяет общая цель.

Рапсода быстро прикинула, что собеседник в пути – штука приятная, а если он вдобавок еще и крепкий здоровый мужчина – даже полезная и, поблагодарив нового приятеля, приняла его предложение.

– Ну, тогда в путь, – сказал тот и дружески хлопнул певичку по плечу. На его пальце блеснул перстень со скрипичным ключом. По крайней мере, так показалось Рапсоде.

2. О политике и балах

В «Трех ключах» было дымно и шумно. За несколькими сдвинутыми столами сидело пестрое общество артистов. Все они с воодушевлением поглощали пиво и ломти жареной свинины, шутили и спорили, в общем, веселились. Лютни, мандолины, свирельки и бубны уютно лежали на коленях владельцев. Некоторые были заботливо спеленуты роскошными пуховыми шальями, другие скрывали чехлы из кож. Барды отдыхали и явно не собирались сегодняшний вечер посвятить увеселению немногочисленных гостей «Трех ключей», которые с некоторой опаской поглядывали на веселье, бурлящее за столом певунов.

– Мерзкая погода, – крикнул один из менестрелей соседу, любовно поглаживая свой инструмент.

– Почти зима, – согласно кивнул тот, – холод, сырость. Лютню того и гляди всю от этой слякоти скособочит. Строй даже внутри корчмы не держится. А уж голос потерять легче легкого.

– А ты серенады-то под балконами у купеческих дочек хоть зимой не ори. Для таких как ты и для котов в году специально целый месяц выделен, – вмешался в разговор Кред, который только что вошел в трактир вместе с Рапсодой.

– О, Кред-колокольчик, – обрадовался тот, что жаловался на погоду, – ты вовремя. Сейчас подадут третий бочонок

пива. Да ты садись, садись.

Кред уселся на свободное место за столом. Рапсода с удовольствием последовала его примеру, сев рядом. Уж больно хотелось набить живот чем-нибудь горячим и приготовленным в нормальной кухне, а не над чадящим походным костерком. Но ее персона вызвала неожиданный интерес у соседа по левую руку.

– Баллада Транара имеет конец ужасно трагический, – сказал он доверительно и, хлопнув носом, отхлебнул пива.

Рапсода изобразила вежливую улыбку, пожала плечами и потянулась было за едой, но неугомонный сосед, толкнув ее в бок, продолжал:

– Не то, что финал его прежней...

Певица повторила попытку добыть кусок мяса.

– Эй, ну ты чего меня не слушаешь? А ну ответь мне, – закончил бард, но вновь безрезультатно.

– Нахалка, – буркнул обиженный артист, отклонился назад и, хлопнув Креду по плечу, кивком головы указал ему на выход из трактира.

– В чем дело, – вполголоса спросил Кред, наклоняясь к нему за спиной Рапсоды.

– Она не наша, – театрально округлив глаза, зашептал тот, – терминологии не знает. Крыса паршивая. Да, раньше их хоть чему-то учили, прежде чем...

– С чего взял, что не знает?

– А ты сам проверь! – бард с досадой хлопнул ладонью по

дубовой столешнице.

Рапсода, слышавшая этот разговор, не поняла, что происходит, но сообразила, что ей здесь не рады и что для ее сохранности гораздо лучше было бы исчезнуть из «Трех ключей» как можно быстрее. Она собралась уже потихонечку сползти со скамьи под стол, но Кред уже крепко обнимал ее одной рукой за плечи.

– Не торопись, Си-Диез, – прошипел он, – выйдем вместе, втроем. Только не привлекая к себе внимания, – и он громко расхохотался, будто только что рассказал анекдот. Сосед Рапсоды, тоже смеясь, выбрался из-за стола и галантно взял певицу под локоток, улыбаясь широко и многообещающе. Так, в обнимку, они втроем и направился к двери.

– Кто ты такая, черт тебя дерит? – гневно спросил Кред, когда они оказались в темном закутке между трактиром и конюшней.

– Отвечай, курва, кто тебя подослал? Откуда знаешь про «Три ключа»? – рявкнул второй спутник, не дав Рапсоды и рта раскрыть.

– Если по чести, – замялся Кред, – она здесь целиком из-за меня. Я встретил ее в Приречье. Но там, я клянусь тебе Тарни, она вела себя как положено, даже угостила. И знак у нее при себе.

– Откуда взяла знак, шавка? – гневно прошипел, надвигаясь на Рапсоду, – кого мы сегодня не досчитаемся на собрании, кроме Транара? С чьего трупа стащила перстень, а? Или

ты не знаешь имен, а просто режешь всех, на кого покажут, тихо, пока они спят?

В мозгу Рапсоды зашевелились мысли, рождающие догадку.

– Вы об этом... об этом знаке? – спросила она, вытягивая вперед руку с украшением, – я не крала его и тем более никого не убивала. Это подарок. Зеленая Песня сам отдал его...

– Когда? – зарычал Кред, – когда это было?

– Давно! Очень давно! Месяца два тому.

– Она врет, – констатировал Тарни, – такими перстнями не разбрасываются просто так, ты же знаешь. Но Зеленая Песня жив. По крайней мере, последняя весточка от него пришла позавчера. Значит либо она зарезала кого-то другого, либо... Либо видела Песню значительно позже, чем утверждает.

– Тссс, – шикнул Кред, – сюда идут... посетитель.

Действительно, кто-то въехал во двор трактира. Лошадь прибывшего нетерпеливо перебирала ногами, постукивая копытами по утоптанной земле возле входа в конюшню. Рапсода наострила уши. Ее спутники тоже прислушивались.

– Не изволите ли лошадку на попечение сдать, господин? – спрашивал кто-то. Наверняка местный слуга, – овсом либо сеном накормим. Ежели пожелаете, вычистить можем.

– Корми, чисть, только гриву в косички не заплетай, как в прошлый раз. А то наслушался баек про эльфов на одинорогах, чьи гривы да хвосты свиты в косы, переплетенные зо-

лотыми лентами, – отвечал другой голос, – и ведь современный, казалось бы, человек, в городе живешь. Да ведь и не просто в городе, в столице, в самом сердце культуры и просвещения, а все бабкины байки ум туманят.

– Это ж Песня! – воскликнул Тарни, заглушая ответ слуги. Видимо выпитое пиво все же поубавило его сдержанность.

– Тихо, – отчаянно зашипел на него Кред, – тихо, нельзя, чтобы нас тут заметили посторонние. Уж больно подозрительно мы смотримся здесь втроем в ночи.

– Не учен, говоришь? – переспросил Зеленая Песня, – ну да и такое с людьми случается... Ну, раз такое дело, то попробую переубедить тебя в последний раз. Видишь ли, я эльф всего только на половину, вследствие чего не должен равняться на чистокровных благородных эльфов, несомненно, имеющих право заплетать гривы своих коней как им будет угодно, – помолчав немного и не дождавшись какого-либо ответа он продолжил, – что ж, бывай. И запомни – без косичек!

Слуга в ответ пробормотал что-то невнятное, раздалось тихое ржание и звук шагов, направляющихся в сторону Рапсоды и ее компании.

«Друг или враг? Бард или конюший идет сюда?» – было написано на лицах Креда и Тарни. Оба напряглись, и, казалось, не дышали.

Шаги замерли. Перед троицей в некотором отдалении остановился мужчина. Кред и Тарни, будучи чистокровными

людьми, были обделены такой способностью, как видение в ночи. Рапсода же такую способность имела. Мужчина, стоящий поодаль – тоже.

– О, Тарни, Кред. Вышли подышать полуночным воздухом? Рад встрече, крайне рад, – произнес он голосом Зеленой Песни.

Оба барда дружно выдохнули.

– А кто же эта милая особа, которая любезно согласилась составить вам обоим компанию? – продолжил эльф, подходя ближе, – да не малютка ли это Си-Диез?

Кред и Тарни удивленно переглянулись. Последний нервно сглотнул.

– Я знал, что когда-нибудь попутный ветер занесет тебя в наши края, – не замечая странного поведения приятелей, продолжил Зеленая Песня, – но не полагал, что так долго заставишь себя ждать.

– Ты знаешь ее? Откуда? – выпалил Тарни.

– Кто она такая, – вторил Кред.

– Но-но, друзья, не торопите события, – добродушно попытался утихомирить их Песня, – да и кроме того я чертовски устал. А вам обоим отлично известно, что приставать с расспросами и всячески донимать странника, только что слезшего с коня, есть не что иное, как самый дурной тон. Я хочу отдохнуть в отдельной комнате, в тишине, поужинать и немного выпить, а потом уже спуститься к нашему пышному обществу. Разумеется, я буду рад, если вы составите

мне компанию. Малые компании располагают к доверительным беседам, а именно такой беседы требует нынешняя ситуация, – и, подмигнув Рапсоду, Зеленая Песня развернулся и пошел по направлению к входу в «Три ключа». Си-Диез, Тарни и Кред последовали за ним.

Внутри полуэльф перекинулся парой слов с хозяином заведения и уверенным шагом направился к лестнице, ведущей на второй этаж, где располагались комнаты для гостей, желающих остаться на ночь. Он был замечен за столом бардов, но сделал знак рукой, и никто не стал зазывать его к себе.

– Ну что ж, – начал усталый путник, уютно устраиваясь в кресле, – начнем, пожалуй, ибо разговор предстоит длинный, а времени не так уж и много. Ведь нехорошо, согласитесь, заставляя наших товарищей, сидящих за общим столом, ждать. Так на чьи вопросы мне следует ответить первым духом?

– Сначала скажи, кто эта... барышня, – Тарни явно хотел использовать другое слово, но вовремя сдержался.

– Отлично, можно начать и с этого края, – легко согласился полуэльф, медленно поворачивая руки то тыльной, то внешней стороной ладони к горящему в камине огню, – эта премилая особа, которую зовут Рапсодой Скерцандой Виваче, а прозывают Си-Диез, ежели не изменяет мне память, была однажды столь любезна, что спасла мою жалкую шкуру в Лагере Бардов. Тогда, во время ночевки и состоялось наше

счастливого знакомство. Знака при ней не было, поэтому я отдал ей свой...

– Слышали, – Си-Диез надулась от гордости и прямо-таки лоснилась от ощущения собственной правоты.

– А напрасно, совершенно напрасно ты это сделал, – заявил Тарни, зыркнув колючими глазами в сторону девушки. Взгляд был настолько острым, что Рапсода, почувствовавшая его на себе, сдулась, как проткнутый иглой воздушный шарик. Блаженное чувство гордого спокойствия улетучилось из нее в никуда.

– Почему же, позволь осведомиться? – Зеленую Песню, похоже, нельзя было сбить с толку буквально ничем.

– Знака у нее при себе тогда не было потому, что его у нее быть и не должно, – Тарни прихлопнул ладонью по столу, подчеркивая сказанное, – она не знает шифра и абсолютно не в курсе наших дел. Она шпионка, подсадная утка...

– ...или просто обычная барышня, попавшая в неудачное время в неудачное место, – закончил полуэльф за Тарни все таким же спокойным и дружелюбным голосом, – признать себя по чести, тогда, в Лагере, я подумал, что Си-Диез просто потеряла наш знак, но позже, хорошенько поразмыслив над случившимся, не стал исключать и той возможности, что моя спасительница не имеет к нашему сообществу ровно никакого отношения. Но это умозаключение меня ни капли не расстроило, так как Рапсода Виваче проявила себя с наилучшей стороны и проявила все качества характера, что мне

нравятся в людях... и нелюдях. Она честна, сметлива и самоотверженна, а сверх всего этого обладает так же резким чувством справедливости. Иначе она бы нипочем не стала защищать абсолютно неизвестного ей человека, на которого напали столь гнусным способом. Так или иначе, мне нравятся такие личности, и я считаю, что в нашем сообществе есть место для еще одного храброго сердца с изворотливым умом в комплекте.

– Но, – Тарни замялся, – это же, мягко сказать, опрометчивое решение. Ввести ее в курс дела... сейчас, когда назревают такие дела, а мы ничего не знаем о ней...

– Я знаю о ней достаточно, чтобы принять подобное решение, – голос Зеленой Песни был все так же тих и ровен, как и в начале разговора, будто они болтали о пустяках вроде погоды, но в нем все же появилось что-то новое. Не жесткость, не угроза и не просьба. Зеленая Песня просто сказал то, что думал, и обсуждать это дальше он не собирался.

– Не понимаю...

– Брось, Тарни, – прервал друга молчавший до этого момента Кред, – Песня имеет на это решение право. Или ты не веришь Зеленому? Я – верю. Он всегда оказывается прав.

Тарни посмотрел в глаза Креда и опустил взгляд.

– Если я все правильно понимаю, то вопросы моих старых друзей закончились, в то время как у нашей новой знакомой их становится все больше и больше, – невозмутимо произнес Зеленая Песня, будто и не заметив напряжения, которое

вitalo в комнате еще минуту назад, – думаю, ты о многом хотела бы узнать, Си-Диез. Спрашивай, не стесняйся.

– Погоди-погоди, – прервал его Кред, – от кого она тебя спасла? Кто нападал?

– А, это, – отмахнулся Зеленая Песня, – агент тайной службы Царна. Его заинтересовали мои перемещения из Ардении в Баланию и обратно, и он, по всей вероятности, хотел узнать, с какой целью я путешествовал. Но благодаря Си-Диез, он ушел ни с чем.

Кред понимающе кивнул.

– Ну, теперь-то все? – обратился к нему полуэльф, и, получив еще один утвердительный кивок, обратился к певице, – теперь точно твоя очередь.

Рапсода с полминуты прикидывала, с чего начать, и наконец, спросила:

– Где мы сейчас находимся и что здесь собственно происходит? Нет, я понимаю, что «Три ключа» это один из столичных трактиров, а внизу сидит огромное сборище бардов. Так мне и говорил Кред, когда приглашал сюда. Но что-то мне подсказывает, что все они собрались здесь не для того, чтобы послушать твою новую балладу.

– «Три ключа» – один из трактиров, где мы иногда собираемся все вместе и размышляем о политике, а сегодня как раз и проходит одна из наших встреч, – ответил Зеленая Песня.

– Кто – мы? – уточнила Рапсода.

– Гильдия бардов, разумеется, – улыбнулся ей полуэльф.

– И зачем гильдии бардов обсуждать политику? – удивилась певица.

– Ну как же? Барды – высокообразованные люди, вхожие во все знатные дома мира. Они знают много, видят еще больше, а уж сколько всего они могут услышать, об этом и вообще говорить нечего. Так почему бы людям с подобными знаниями и привилегиями не встречаться время от времени и не обмениваться сведениями? Вот мы и встречаемся, и обмениваемся, и обсуждаем. В ходе этих обсуждений складывается определенная политическая картина, которую мы имеем на сегодняшний день. А представляя себе эту картину, несложно догадаться, какие изменения произойдут в ближайшем будущем. И тут уже мы переходим к самому главному: стоит решить, какие перемены нам нужны, а какие – нет, и как поступить, чтобы нужные перемены произошли, а ненужные так и остались бы в проекте.

– Иными словами вы – орден шпионов, – констатировала Рапсода.

– Я бы так не сказал, – возразил Зеленая Песня.

– Но ведь вы собираете информацию, а потом продаете ее, что естественно влияет на политическую ситуацию в мире.

– Начнем с того, что мы никому ничего не продаем, – вновь возразил полуэльф, – мы собираем сведения для себя и меняем политические события самостоятельно. В довершение ко всему скажу, что меняем мы их только в том случае, если наше вмешательство необходимо и только с целью

укрепления позиций нашего государства.

– То есть вы что-то вроде тайной службы при короле?

– Эмм... Опять не совсем так. Конечно же, мы – организация тайная, но король о нашем существовании не знает так же, как и все остальные.

– Значит, вы возомнили себя кем-то вроде серой лиги справедливости и считаете, что никто, кроме вас не знает, как распорядиться страной, – Рапсоду не порадовал этот вывод, но, похоже, он был единственно верным.

– А что в этом такого? – удивился ее вспышке Зеленая Песня.

– А то, что вы слишком самонадеянны. У руля страны стоит король, ученый совет, церковь, в конце концов...

– Не хочешь ли ты сказать, что считаешь решение о невмешательстве в войну между Царном и Баланией верным? – заломил бровь полуэльф.

– Что? – не поняла девушка.

– На днях к нашему славному королю Драуману прибыл посол из Царна, поведавший монарху о скорой войне, которую Царнский король объявит Балании в конце этого месяца. Посол упомянул так же о двух вариантах развития событий, которые напрямую касаются Ардении. Первый: Драуман подписывает договоренность о невмешательстве в эту войну и, следуя этой договоренности, не помогает Балании ни войсками, ни оружием, ни деньгами. В таком случае Царн обещается не нападать на Ардению после захвата Балании

и оставить Драумана на его троне. Второй: Драуман не подписывает ничего, и тогда войска Царнские войска пойдут на захват и наших земель. Король выбрал первый вариант.

– Но это же логично, – Рапсода не понимала, чем гильдию бардов не устраивает такое решение.

– Совсем не логично, – возразил Зеленая Песня, – ты знаешь хоть одну страну, которую бы Царн оставил в покое и обошел стороной? Всего за каких-то десять-двенадцать лет из маленького заурядного княжества он вырос в крупное государство, почти сравнившееся по силе с нашим. Присоединив к своим владениям все земли, находящиеся по одну сторону Туманных гор, Фарвик, король Царнский, решил взяться и за государства, лежащие по другую их сторону.

– Но ведь по другую сторону гор от Царна только Балания и Арденя, мелкие княжества не в счет. Больше на нашем материке нет крупных государств.

– Вот то-то и оно, – подтвердил бард, – Арденя Царну сейчас не по зубам, а вот Балания – в самый раз. Если конечно сильный сосед не заступится. Значит надо этого самого соседа убедить в том, что заступаться ему не выгодно. А когда Балания падет и война будет выиграна, можно будет спокойно набраться сил и тогда, имея уже численное преимущество, ударить по самонадеянной Ардении. А когда падет и она, можно будет создать флот и продолжить захватническую деятельность уже на других материках.

Си-Диез пораженно молчала. Ей бы и в голову не пришло

такое, но рассказ выглядел очень убедительно.

– И что же делать? – беспомощно спросила она, обводя глазами собравшихся в комнате мужчин.

– Да есть у нас кое-какая идейка, – отозвался Кред, – только для ее осуществления нужны были дополнительные сведения. Впрочем, все пробелы уже заполнены, и сегодня дело как раз и сдвинется с мертвой точки.

– А в чем заключается эта ваша идейка, узнать можно? – поинтересовалась певица. Она чувствовала себя намного увереннее, задавая вопросы, а не отвечая на них.

– Ну смотри, – начал Кред, – наша главная цель – не быть захваченными. Так? Так. Для этого нам нужно либо самим напасть на Царн, либо поддержать Баланию в надвигающейся войне. Заставить короля проявить агрессию к Царну нет никакой возможности, а вот подтолкнуть его к заключению союза с Баланией очень даже реально.

– И как же это сделать, если Драуман уже подписал ту бумагу от Царнского посла?

– Способов много, но самый лучший – породнить семьи правителей наших государств.

– Да разве ж это возможно? – ахнула Си-Диез, – неужели вы думаете, что король добровольно отдаст единственную дочь, наследницу своего престола, за сына Балании, судьба которой предрешена?

– Сам-то он конечно до такого не додумается, – согласился Кред, – как раз поэтому ему и надо помочь. Ну, пред-

ставь себе, к примеру, такую картину: наследница короны исчезает из дворца. Розыск, объявленный по всей стране, не приносит результатов. И вдруг его королевскому величеству приходит письмо от Енгара, светлейшего короля Баланско-го, в котором он сообщает, что принцесса Алана благополучно достигла его дворца, и благодарит будущего родственника за его мудрое решение, а так же сообщает, на какой день назначено венчание принцессы Аланы и принца Хальвика, сына Енгара. Так же в письме Енгар просит Драумана прислать благословение на брак дочери в устной либо письменной форме. И все – наш король в клещах. Он, конечно, может отказаться выдать дочь за Хальвика, но это будет равносильно объявлению войны. Причем на очень невыгодных для него условиях, так как единственная наследница престола еще до начала военных действий уже находится в плену. Единственным разумным решением будет дать благословение на брак. А после такого решения не поддержать новоиспеченных родственников в грядущей войне было бы в высшей степени глупо, причем по той же самой причине: наследница находится под угрозой. Только теперь ей угрожает не Балания, а Царн. Вот и все.

– Но почему все заиклились на этой принцессе? – непонимающе воззрилась на него Рапсода, – да, Драуман уже стар, но у него молодая жена. Она вполне в состоянии выносить и родить ему хоть пять принцев и принцесс.

– Тут дело не в супруге короля, – кашлянул Зеленая Пес-

ня, – Как бы это поделикатнее выразиться... Видишь ли, он женился уже в четвертый раз, и каждая его супруга была молода и здорова. Однако же ребенка принесла ему только самая первая жена, и было это восемнадцать лет назад. А после этого сменилось три жены и не родилось ни одного ребенка, из чего можно сделать вывод, что дело не в женах, а в муже.

– Значит, у Драумана просто не может быть больше детей? – изумилась девушка, – тогда понятно, почему на Алане делается такой упор. Только в ваш план, похоже, закралась ошибка. Хальвик, кажется, уже женат.

– Не женат, а помолвлен, – поправил ее Кред.

– Но это же почти одно и то же.

– Да не скажи. Быть помолвленным с одной из герцогинь собственного королевства или расторгнуть эту помолвку ради брака с наследной принцессой Ардении. Есть разница?

Рапсода помолчала некоторое время, обдумывая услышанное, а потом продекламировала пришедшие на ум строчки:

Хоть и был королевич помолвлен с одной,
Да другую пришлось повести под венец,
Чтоб в его королевство вернулся покой,
Чтоб беда и разруха ушли наконец.

Слог достаточно посредственный, стоит еще поработать, но суть изложена верно, – кивнул Зеленая Песня.

Девушка обиженно фыркнула:

– А вы уверены, что принц согласится с вашей логикой?

– Практически стопроцентно, – ответил Кред, – но для страховки Зеленая Песня ездил в Баланию, чтобы переговорить с ним и иметь абсолютную уверенность.

– А принцесса? Не думаю, что она будет в восторге от вашей затеи, особенно если считать то, что я услышала в Приречье, правдой.

– С госпожой Аланой действительно все будет значительно сложнее, – вздохнул Кред, – легче всего будет просто ее выкрасть. Договориться с этой взбалмошной девицей практически невозможно. Сейчас она тебя слушает, а через минуту бьется в истерике и зовет стражу. Так что проще ее в наши дела не посвящать вовсе. Но конечно было бы лучше сделать так, чтобы она добровольно пошла с нами.

– Судя по тому, что Кред рассказал о ней, добровольно она уйдет из дворца папаши с любым, кто пообещает ей свободу, – с видом превосходства стала объяснять мужчинам Рапсода, – Драуман же собирается выдать ее за кого-то, а она у нас... эмм... других правил. Значит ей надо пообещать, что за того хмыря, которого прочит ей отец, она не выйдет. А то, что ее выведут из замка только для того, чтобы выдать за другого, ей сообщать абсолютно не обязательно. И в идеале выкрасть ее должна женщина. Ну, чтобы не раздражать лишний раз мужским присутствием, – закончила она свои измышления.

– Отличная идея, – похвалил девушку Зеленая Песня, –

лучше бы и я не придумал. И спасибо за предложенную помощь.

– Какую помощь? – насторожилась Рапсода, – никакой помощи я не предлагала.

– А кто минуту назад сказал «выкрасть принцессу должна женщина»? – лукаво ухмыльнулся Кред.

– Я. Ну и что?

– А то, что женщин, которые могли бы взять на себя это дело, в гильдии сейчас нет. Кроме тебя, разумеется. Остальные, к сожалению, все находятся слишком далеко от столицы, а дело крайне срочное.

Девушка опешила. Она? Молодая, неопытная певица, которая находилась где-то в середине между очень хорошими известными бардами и посредственными струнодерами, и вдруг затянута в дела государственной важности. Это невозможно.

Придя к такому умозаключению, она тут же и высказала его всем присутствующим.

– Не волнуйся ты так, – успокаивающее заговорил Кред, – мы тебя поддержим. У гильдии очень хорошо развита сеть наблюдения. Если что-то вдруг пойдет не так, мы сразу узнаем и примем меры.

– А если она сделает что-то не так, – обратился Тарни к Креду, говоря о Рапсодe, будто ее в комнате вообще не было, – то я все исправлю.

Фраза, в общем-то, была абсолютно нормальной, но мрач-

ный вид Тарни подсказывал девушке, что лучше постараться сделать так, чтобы ему не пришлось ничего исправлять.

– То есть я повезу ее одна? две женщины без охраны? – Рапсода попыталась в последний раз воззвать к здравому смыслу своих собеседников, – это же очень опасно.

– Две странствующие подруги намного меньше привлекут внимание, чем женщина и мужчина, везущие еще одну женщину как пленницу, поверь мне, – произнес Кред, – а наша ласточка вряд ли захочет путешествовать вместе с мужчиной по доброй воле и сбежит при первой же возможности.

Си-Диез не нашла контраргумента, признав, что в словах барда есть смысл.

– Значит, мы все решили, – радостно подытожил Зеленая Песня, – осталось только оповестить остальных.

– Но, – попыталась было возразить Си-Диез, а мужчины уже поднялись с мест и направились к выходу из комнаты.

Заметив, что ее никто уже не слушает, Рапсода махнула рукой и пошла следом за ними.

Ну и черт с вами. Ваши же проблемы будут, если я чего напортачу.

Компанию, спустившуюся наконец в общий зал, встретили разноголосыми приветственными выкриками. Зеленая Песня, поздоровавшись с собравшимися, уселся за стол. Началось собрание, в ходе которого Зеленая Песня рассказал о результатах своей поездки и о плане похищения Аланы из дворца, придуманном несколько минут назад. Пользуясь

шифром, естественно. Прошу прощения, терминологией.

– Отлично, – потер руки один из бардов, – потрясающее развитие сюжета. Я бы предложил перенести действия на бал. Только надо все хорошенько обдумать, чтобы не было никаких перечений¹ и случайных знаков². Это значило приблизительно следующее: «Теперь можно действовать. Я бы предложил назначить операцию на бал. Только надо все хорошенько обдумать, чтобы избежать непредвиденных затруднений и лишних ушей».

На том и порешили.

– Что за бал-то хоть, – спросила Рапсода у Креда, поднимаясь по лестнице в комнату. С шифром она была не знакома, но усекла, что для зашифровки речи используются музыкальные термины, с которыми она была знакома, как и любой другой музыкант. Поэтому большая часть сказанного на собрании была ею понята, но оставались и не проясненные моменты.

– Через два дня Драуман устраивает большой бал в своем дворце, куда приглашены все кандидаты в мужья принцессы. В общем, будет что-то вроде смотрин, после которых король

---

¹ Переченье – музыкальный термин, обозначающий неблагозвучную последовательность двух аккордов, имеющих общий тон, измененный гармонически, в которой этот тон берется во втором аккорде не тем голосом, которым был взят в первом.

² Случайный знак – встречающийся в нотном тексте диез или бемоль, которого нет при ключе. В тексте данное выражение имело значение «непредусмотренные ситуации».

выберет наиболее подходящий вариант.

– Мне на эту вечеринку ни за что не попасть, – вздохнула девушка, – так что план можно заранее считать сорвавшимся.

– Не дрейфь, – успокоил ее Кред, – бард на балу – штука не лишняя. Конечно, платить будут только тем, кого официально пригласили, но если один из приглашенных бардов за тебя поручится, то тебя пропустят. А я уже приглашен, так что не волнуйся, Вива, поручитель у тебя есть.

– Как-как ты меня назвал? – взъерошилась Рапсода.

– Вива, – невозмутимо повторил бард, – сокращенно от твоего второго имени.

– Вообще-то от третьего, – обиженно поджала губы Рапсода.

– Ну от третьего. Нечего было столько имен себе выдумывать. Слишком длинно, народ не запомнит.

– Но почему именно третье, а не первое? Ну, или на худой конец второе, – злилась девушка.

– Тебя бы больше устроило Рапи или Скерца? – невинно поинтересовался бард.

Рапсода издала страдальческий стон и захлопнула дверь своей комнаты перед носом Креда.

Оставшись наконец наедине со своими мыслями, певица уселась на кровать и стала размышлять о предстоящем деле. Бал в королевском дворце. Большое событие и для музыкантов получше Рапсоды. Вот только радоваться такому стреми-

тельному карьерному взлету или все-таки не стоит, девушка еще не решила.

Но в любом случае к мероприятию стоило подготовиться, поэтому оставшиеся до бала два дня девушка провела в лавках, торгующих готовым платьем.

– Нервничаешь? – участливо поинтересовался Кред у Рапсоды вечером накануне бала, просунув голову в приоткрытую дверь ее комнаты.

– Хоть бы все выгорело, – отозвалась та, в сотый раз поправляя оборки на висящем в шкафу платье, которое она подобрала специально для посещения королевского дворца. Раньше ей в такие места ходить не случалось, а потому и одежды, подходящей не имелось, и девушка ужасно боялась, что ее наряд помнется.

– Кстати об этом. Ты не могла бы мне что-нибудь спеть? – внезапно попросил ее бард.

– Что, прости? – переспросила девушка, отрываясь от своего занятия.

– Голосок твой хочу послушать, – пояснил музыкант, – я же имею право знать, за кого собираюсь ручаться. Это же королевский бал, там будут менестрели высшего класса, понимаешь, к чему я?

Си-Диез застыла как статуя, услышав такое.

А ведь и верно. Кто она такая, чтобы петь при дворе? Откуда им всем знать, что она способна достойно выступить? И хоть просьба Креда могла показаться несколько оскорби-

тельной, девушка начала петь.

«Пусть знает, что я далеко не новичок бесталанный, – думала она. – Пусть».

– Недурно, – оценил ее способности бард, когда девушка закончила свое маленькое выступление, – сойдет.

– Сойдет? – Рапсода не знала, обижаться ей на Креда или радоваться, – правда?

– А что, боишься? – участливо поинтересовался тот, – переживаешь?

Девушка молча кивнула.

– Да брось ты. Я лично после того, что случилось на балу по случаю свадьбы барона Фуо, мало из-за чего переживаю.

– И что же там случилось? – отвлеклась девушка от платья. Она уже почти не сердилась на Креда за придуманное им дурацкое прозвище. Почти.

– О, там случай был особый! Скабрзный правда, но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Случилось это лет... несколько назад, когда я был еще не так широко известен, но уже подавал надежды...

* * *

Это была самая обычная свадьба. Работа на два дня: сегодня девичник, завтра свадьба. Развлекай гостей до рассвета двое суток и свободен, бард.

К девичнику я готовился основательно: начищенные са-

поги, новенький сюртук, аккуратно подстриженные усы (да, я тогда носил усы) и обворожительный голос, а так же тщательно подобранный репертуар – все только о любви.

Барышни слушали мое вдохновенное пение, украдкой стирали кружевными платочками прозрачные жемчужинки слез, ели, пили и танцевали. Вот только уже часов в десять вечера, когда небо еще даже толком не потемнело, мне было сказано, что на сегодня работа окончена и что уже я могу быть свободен.

Где находилась отведенная мне комната, я прекрасно знал, но спать решительно не хотелось, и я не придумал ничего лучшего, чем накинуть плащ и отправился на прогулку. Сад за особняком был великолепен и впечатлял размерами. Я прошелся по одной кипарисовой аллее, свернул в другую и вдруг увидел чью-то тень, промелькнувшую передо мной и быстро скрывшуюся за деревьями. Уже достаточно стемнело, и разглядеть фигуру я не смог, но чуткое музыкальное ухо уловило шорох юбок, доносящийся с той стороны.

«Что может быть волшебнее, чем повстречать в дивном ночном саду юную чаровницу?» – оживился я и, огладив волосы, поспешил вдогонку за прелестной добычей. Возможно теперь, повзрослев, я поступил бы иначе, но тогда я был юнцом, а какой с молодого парня спрос?

Девушка шла быстро, высоко подбрав юбки. Так, чтобы не мешали при ходьбе. Она явно куда-то очень спешила.

«Но не к любовнику же! Сегодня здесь вообще нет боль-

ше мужчин кроме меня, – подумал я, не сбавляя шага, – а куда же может спешить девушка ночью, если не к любовнику». Этот вопрос очень заинтриговал меня, и я приложил все усилия, чтобы не отстать.

Преследуемая девушка то и дело оборачивалась, но ни разу не заметила своего тайного спутника, хотя я особо и не старался укрыться.

Аллея привела нас ко входу в лабиринт, созданный стараниями множества садовников из какого-то декоративного кустарника. Девушка, не раздумывая, вошла в лабиринт и углубилась в него. Было видно, что ей это место хорошо знакомо.

«Видимо ближайшая подружка невесты, раз так ориентируется в саду», – сделал вывод я, стараясь не потерять барышню из виду.

А незнакомка все ускоряла шаг. Она сворачивала то вправо, то влево, с каждым поворотом все больше и больше отрываясь от меня. Вот край ее юбки мелькнул где-то впереди и исчез среди аккуратно подстриженных веток. С досады я аж дернул себя за ус. Больно. Мало того, что упустил девушку и не разнюхал ничьей тайны, так еще и заплутал.

Плюнув, я развернулся и пошел к выходу из лабиринта. По крайней мере, мне казалось, что выход должен быть там, куда я направился.

Небо из темно-синего стало черным и покрылось серебряными точками звезд. После того, как я наверное в десятый

раз зашел в тупик, я начал относиться к ситуации философски.

«Когда понадобится, наниматели сами хоть из-под земли достанут. И не страшно, что искать меня начнут лишь утром. Ночь выдалась теплая, а у меня к тому же с собой плащ, так что заночевать можно почти с комфортом», – рассудил я и гулял теперь под ясным звездным небом одной прогулки ради.

Гуляя и размышляя о всякой философской ерунде, я набрел на небольшую круглую полянку. Очевидно, это был центр лабиринта. Я с удовольствием уселся на одну из скамеек, опоясывающих полянку по кругу, и принялся разглядывать фонтан, расположенный в центре площадки. Но фонтан был скучный. Тривиальный дельфин, из пасти которого лилась вода. Смотреть на текущую воду мне быстро надоело. Нет, видать я все же не философ. Они говорят, что на движущуюся воду смотреть можно вечно. Хотя, «можно» и «интересно» ведь разные вещи, правда? В любом случае, каким бы ни был ответ, я стал оглядываться по сторонам в поисках чего-нибудь более занимательного.

Обнаружилось, что по обе стороны от скамьи, на которой я сидел, стояли две статуи. Они изображали молодых барышень в жеманных позах и весьма легкомысленных нарядах. Стоит прибавить к тому же, что в руках мраморные девы держали различные музыкальные инструменты. Так что не стоит и удивляться тому, что я был заинтересован изваяни-

ями в величайшей степени. Я поднялся на ноги, подошел к той скульптуре, что стояла справа и стал пытливно рассматривать диковинный струнный инструмент, примостившийся на округлом мраморном колене. Оторвав наконец от изваяния задумчивый взгляд, я заметил вдруг, что подобных произведений искусства здесь больше, чем два и что они стоят по всему периметру площадки, перемежая собою скамьи. Открытие было приятным. Удовлетворенно хмыкнув, я двинулся по кругу, замирая ненадолго возле каждой из скульптур.

Созерцание этих предметов искусства привело меня в состояние некоторой рассеянности. Пребывая в нем, я переходил от одной статуи к другой, погруженный в свои мысли, и вдруг что-то вывело меня из забытья. Что-то, чего уже коснулся взор, но еще не осознал мозг. Сначала мне показалось, что в нескольких шагах от меня лежит груда скомканного шелка.

«Какие знойные у невесты оказывается подружки! Темной ночью сбрасывают платья и разгуливают вокруг дома нагишом!» – ухмыльнулся я собственно догадке, но улыбка задержалась на моем лице совсем ненадолго.

Груда синего шелка на поверку действительно оказалась платьем, но отнюдь не брошенным хозяйкой. Оно все так же целомудренно прикрывало бюст и плечи своей владелицы, которая лежала сейчас на сырой траве. Разве что юбки находились в беспорядке да искусно вышитый серебряной нитью

лиф был испачкан чем-то темным. Не раздумывая, я бросился к девушке. Так и есть: синий шелк пропитан кровью. Вглядевшись в лицо девушки, я узнал в ней дочку своего наемателя, то бишь невесту.

Осознав наконец, что здесь произошло, я в ужасе отпрянул от трупа.

Прочь! Прочь отсюда! Поднять тревогу, позвать на помощь, скорее рассказать обо всем...

Я заметался по поляне, не зная, в который из множества коридоров нырнуть.

– Успокойся, – сказал я тогда сам себе, – это прежде всего. Ты выберешься, обязательно выберешься из этого чертова лабиринта, но после ты никого не пойдешь искать и никому ничего не расскажешь. Мало что ли случаев несправедливого суда? А ты, между делом, будешь лучшим подозреваемым: единственный мужчина в доме! Так что соберись, найди-таки выход из этой чертовой западни и иди к себе спать, а на завтра, когда поднимется переполох, ори громче всех и чтобы на роже на твоей выражалось самое натуральнейшее изумление.

Так я поучал себя, плутая в закоулках лабиринта, выбраться из которого мне все же удалось, но не раньше, чем начало светать. Не чувствуя ног от усталости, я еле добрался до своей комнаты и уснул мертвым сном.

А на утро я был опять умыт, выбрит и причесан. Одним словом полностью готов отрабатывать посуленный гонорар.

Погода была великолепна. Солнце светило вовсю. Пешая прогулка от дома невесты до часовни, в которой должно было состояться венчание, выветрила из меня остатки сонливости. Гости, старавшиеся перещеголять друг друга в пышности и дороговизне нарядов, уже собрались вокруг церкви и занимали себя милыми беседами, ожидая прибытия жениха и невесты.

«Главное – изобразить удивление», – наверное, в сотый раз напоминал я себе, нервно подкручивая колки лютни.

И вот к шумной толпе подъехала украшенная цветами и лентами карета. Гости притихли в ожидании. Распахнулась дверца... и, вынужден признаться, в этот момент на моем лице появилось самое искреннейшее удивление, натуральнее которого я за всю свою жизнь не испытывал. Из кареты выплыла невеста с ног до головы окутанная фатой, украшенной золотой вышивкой и цветами белого и нежно-розового оттенков.

Всеобщий возглас восхищения разнесся по площади. Отовсюду тут же слетелись многочисленные подружки и, обступив виновницу торжества, защебетали наперебой. Она же молчала и лишь кивала головой в ответ, принимая поздравления и комплименты.

«Сиди и молчи, дурак, – обругал себя я, – нечего было столько пить накануне. С пьяных глаз чего не привидится! И хорошо, что еще шума вчера не поднял. Это ж надо было придумать: мертвая невеста».

А тем временем гости начали понемногу волноваться: задерживался жених. Уже две четверти часа как должен был прибыть, а все нет его и нет.

«Уж не жениха ли я видел мертвым вчера в саду?» – вдруг пришло мне в голову. Но я тут же отмел эту абсурдную мысль, – ага. Жениха. На девичнике. В платье невесты.

Время шло. Скучающие гости от нечего делать начали потихоньку пускать сплетни, мол сбежал из-под венца барон-то. Не имеет смысла уточнять, что подобные разговоры не прибавляли невесте жизнерадостности.

В общем, ждали мы его светлость барона Фуо до вечера, но так и не дождались. Невеста совсем потеряла самообладание и тихо хлюпала носом в углу. Гости начали расходиться счастливые и довольные как никогда. Еще бы! Обычную свадьбу любой сто раз видел, а тут такой скандал, такая интрига! Теперь будет что обсудить во время прогулки в парке. Сплетни звучали уже в полный голос. Наконец папаша неудавшейся невесты сгреб свое обманутое чадо в охапку, усадил в карету и усвистал в свой особняк заливать горе. Я, ясное дело, отправился вслед за ним. Горе горем, а деньги надобно платить. Ну и что, что я сегодня не играл. За то я весь день сидел у часовни и честно был готов начать петь, как только дадут отмашку. Я ж не виноват, что ее так никто и не дал, отмашку эту. В общем, я считал, что честно отработал обещанные мне монеты и не собирался отказываться от них так легко.

Конечно, меня на порог не пустили, не говоря уже о том, чтобы выплатить обещанную сумму, но я упрямо уселся у въездных ворот и твердо решил ждать, правда сам толком не знал, чего именно.

Оказалось, что ждал я не совсем зря. Спустя буквально несколько минут из сада по направлению к особняку пронесся какой-то слуга, как выяснилось позже – садовник. Вопя что-то нечленораздельное, он скрылся в доме. Не успел я толком обдумать, что бы это могло значить, как внутри усадьбы разразился настоящий скандал. Громче всего слышалось вопли хозяина и женский рев. Мне с моим чутким слухом почти сразу стало ясно, в чем заключалась суть проблемы. Садовник обнаружил в лабиринте тело молодой хозяйки и тут же бросился в особняк, дабы незамедлительно доложить об ужасной находке хозяину. Тот в свою очередь велел сию же минуту притащить за космы девицу в фате и свадебном платье, что редела, запершись в покоях усопшей. На поверку выпутанная из густо задрапированной фаты барышня оказалась одной из подруг настоящей невесты. После живописнейших описаний того, что с ней сделают, если она сейчас же не объяснит, как оказалась в подвенечном наряде, самозванка созналась во всем:

– Это я, я сделала, – захлебывалась она слезами, – я... ее... кинжалом!.. Влюбилась, как дура, накануне ее свадьбы... их свадьбы. Поняла, что он – мой... а он не пришел!.. – дальнейшие объяснения потонули в рыданиях. Хотя

и уже сказанного более чем достаточно.

«Та-а-ак, здесь мне больше ловить нечего, – смекнул я тогда, – надо валить».

И я тут же поспешил воспользоваться собственным советом. Но к моему несчастью было уже достаточно поздно, и когда я вышел за городские ворота, было уже почти совсем темно. Ночь выдалась холодная: небо заволокло тучами, сулящими отменный ливень, несильный, но пронизывающий ветер поддувал то с одной, то с другой стороны. Картину довершало городское кладбище, расстилающееся вдоль дороги, которую я выбрал.

«Изумительная ночка! – невесело усмехнулся я, – и знал же, что лучше переждать ночь в корчме, да заплатить-то за постой нечем».

С унынием пялясь на надгробия и монументы, медленно проплывающие мимо, я вдруг заметил часовню, притаившуюся в глубине кладбища.

Вот оно – спасение от непогоды. И я со всех ног устремился к обители Иериаля. Несколько запыхавшись, я остановился у высоких деревянных дверей, глубоко вдохнул, выравнивая дыхание и, чинно и тихо, стараясь не производить лишнего шума, вошел внутрь. В часовне было темным темно, даже лампадки не горели. Чертыхаясь и проклиная нерадивых служек, я ощупью стал искать местечко для ночлега.

«Только б не опрокинуть чего, – думал я. – не то священник решит, что в часовню проникли воры или святотатцы,

а я так устал, что объяснять батюшке, что тот ошибся, сил никаких нет».

Спустя пару минут я обнаружил какую-то нишу и, решив, что лучшего места все равно не найду, лег прямо на пол, укутавшись в свой широкий плащ.

Но стоило мне только задремать, как раздался скрип открываемой двери. Это из своей комнатки вышел местный священник: невысокий мужчина, держащий перед собой подставку со свечным огарком. Служитель неторопливо подошел к статуе Иериаля, располагавшейся у противоположной от входной двери стены, и по одной начал зажигать от огарка свечи, расставленные вокруг.

«Я пропал, – с тоской подумал я, – скандала теперь не избежать. И вообще, чего этому горе-священнику взбрело в голову бродить посреди ночи?»

На мое счастье служитель зажег не больше пяти свечек, и света их недоставало, чтобы осветить всю часовню. Разгорающиеся огоньки озарили статую, играя бликами на лице пресвятейшего Иериаля. Казалось, изваяние ожило и с любопытством смотрит вглубь часовни, где сгущались зловещие тени.

Покончив со свечами, священник стал маленькими шагами прохаживаться взад и вперед, меряя расстояние от одного края освещенного участка до другого. Мне было хорошо видно, как поблескивает серебряная вышивка на подоле его оранжевого облачения.

«Парадная одежда священника, – смекнул я, – вот только для чего облачаться в нее темной ночью?»

Вскоре я получил ответ на свой вопрос. За стенами слышалось ржание и фыркание коней, а затем в часовню вошли двое: мужчина и женщина. К моему недовольству они остановились, не доходя до пятна света, и я, как ни силился, не мог разглядеть их лиц.

– Я уже было подумал, не случилось ли с Вами чего по дороге, госпожа, – залез безил священник перед прибывшей дамой.

– Ничего особенного. Просто господин, – женщина слегка ткнула мужчину локтем в бок, – слишком долго спал.

По ее тону я понял, что барышня сказала не то, что думала на самом деле. Или не все то, что думала.

– Позвольте Ваш плащ, он ведь совсем промок. У меня мигом высохнет.

– Не стоит, – тихо, но твердо отказалась женщина и добавила с едва уловимым лукавством в голосе, – да и негоже женщине обнажать голову в доме Господнем, а у меня нет с собой другого головного убора кроме капюшона моего плаща.

– О, конечно-конечно, – смутился священник.

– Кроме того мы не намерены долго здесь задерживаться, прервала его дама, – правда, барон?

– О, да, госпожа.

Мужчина, которого титуловали бароном, впервые открыл

рот с тех пор, как полуночные гости вошли в часовню. Голос его был сонным, таким, будто он находился в дреме и разговаривал вслух со своими сновидениями. Движения его были замедленными и немного неестественными.

Кажется, странности в поведении кавалера подметил и священник. По крайней мере, он с любопытством остановил взгляд на мужчине, видимо ожидая от него чего-то.

– Не стойте столбом, святой отец, приступим уже, – резко напомнила о себе женщина и твердым шагом устремилась в освещенную часть часовни. Мужчина неотступно следовал за нею. Создавалось впечатление, будто его привязывал к этой даме незримый, но прочный поводок.

«Будто собачка на веревочке, – фыркнул я про себя, – подкаблучник! Такие вот и портят мнение о сильной половине человечества».

Но мне опять не повезло. Парочка прошла мимо меня и остановилась так, что я видел их со спины справа. Тем временем священник раздобыл откуда-то маленькую толстенькую книжечку, раскрыл ее и уже было открыл рот, как женщина, сделав властный жест, остановила его.

– Надеюсь, Вы понимаете, что можно обойтись без «Сегодня мы все собрались здесь, чтобы почтить союз...» и прочего к делу особо не относящегося?

Священник явно смутился и поспешно зашелестел страницами.

– Тогда, пожалуй, вот. Думаю, отсюда будет в самый раз, –

и он начал читать на своем слабопонятном церковном языке с середины книжицы, то и дело перелистывая несколько страниц махом. Я был уже готов задремать, когда вновь раздался властный голос женщины.

– Да, – спокойно сказала она.

При звуке этого слова сон с меня слетел тут же. Дано: двое, мужчина и женщина, ночью, в обители Иериала. Священник читает им нудные тексты, а пара поочередно отвечает на его вопросы согласием. Даже ребенок смекнет, что здесь происходит. А если учесть еще и тот факт, что это не просто тайное венчание, а тайное венчание какого-то барона... Положительно, надо в лепешку разбиться, а увидеть их лица!

А пока я складывал два и два, священник тем временем снова задал вопрос, обращая на этот раз к жениху, но тот молчал. Повисла неловкая пауза.

– Вы ведь хотите взять меня в жены, барон? – спасая положение, заговорила невеста обольстительным голосом, в котором слышалось злоба и угроза, – не правда ли, барон?

– О, да, госпожа, – так же безвольно и односложно ответил барон.

– Что «да», барон? – Допытывалась пылкая невестушка.

– Я хочу взять Вас в жены, госпожа, – покорно ответил несчастный.

«Что воля, что неволя – все равно», – вспомнилось мне, и я невольно хихикнул. Но тут меня осенило: зелье, подавля-

ющее волю. Его попросту опоили. Причем у меня не возникло ни малейших сомнений в том, кто это сделал.

«А барышня-то довольно циничная, – подумалось мне, – не приворотное зелье использовала, значит ее намерения скорее имеют практический, нежели романтический характер. Небось, долго ходила по всевозможным званым обедам и выбирала кандидата на роль своего счастливого супруга».

А женщина тем временем обернулась назад и пристально взгляделась в сумрак часовни. Наверное, услышала мой смешок. Ее новоиспеченный муж последовал ее примеру, копируя позу супруги. И я с удивлением узнал обоих. Невестой была та самая девушка, за которой я прошлой ночью гонялся по чужому саду, а жених... Женихом был не кто иной, как пропавший сегодня утром барон Фуо.

На мое счастье глаза их, привыкшие к свету, не могли ничего разглядеть во тьме ниши, где притаился я.

– Властью, данной мне Иериалем... – робко продолжил священник, и невеста быстро обернулась к нему.

– Довольно. Этого достаточно?

– Вполне, моя госпожа, – поклонился тот, – все по канону, все законно.

– Чудно, – и она, круто развернувшись, быстро направилась к выходу. Барон последовал за ней.

– Но не изволит ли Ваша милость скрепить союз...

– Поцелуем? Скреплю дома. Как-нибудь на днях.

Высокая дверь хлопнула, закрывшись за ночными посе-

тителями. Растерянный священник глубоко вдохнул и принялся устало тушить свечи.

Слыхивал я про всякое. Бывает, сельских девок крадут или у родителей выкупают, чтобы пополнить свои запасы новой наложницей. Бывает, их крадут, чтобы жениться. Бывает, крадут для того, чтобы просто помучить. Но все это проделывают именно что с девушками! – в потрясении размышлял я, – а вот чтобы здорового мужика похитила барышня, такое в первый раз вижу, ей-богу. Ну то, что зельем каким-то опоила, это понятно и объяснимо. Такова нынешняя мода. Но к чему тогда весь этот спектакль с пропавшим женихом и убитой невестой? Может, какие-то личные счёты с семьёй погибшей бедняжки? А чтобы не пачкать рук самой, она подговорила или наняла ту, другую, которая несколько часов назад во всем созналась. Да-да, не существует ни малейших сомнений в том, что теперешняя жена барона и девушка, несколько часов назад задержанная в особняке его несбывшейся невесты – разные люди. Уж на свой слух я могу положиться. А он мне подсказывает, что по тембру и диапазону голос причитавшей убийцы нисколечко не похож на голос новоиспеченной баронессы. Да и кто бы выпустил на свободу особу, сознавшуюся в таком тяжком преступлении, как убийство? Только зачем же дуреха нарядилась в подвенечное платье и целый день морочила головы гостям, подменяя убитую, когда должна была по логике вещей бежать как можно быстрее? Должно быть, она не была посвящена в весь

план и решила извлечь свою выгоду из сложившейся ситуации. опередить нанимательницу и перехватить жениха, так сказать. А может быть, она и вовсе не была никем нанята и приводила в исполнение свой собственный план по захвату руки сердца и поместий барона Фуо? В таком случае, что той ночью в саду делала ее более удачливая соперница-авантюристка? Если заговор все же был, то проверяла, чисто ли сделано дело. А если нет? Тогда она, скорее всего, решила потихоньку покинуть особняк через сад, чтобы успеть до рассвета добраться до дома барона, влить в сонного дворянина заготовленное зелье и увезти свою жертву куда-нибудь подальше. Правду говорят «женское коварство намного страшнее мужской силы». Хотя барону, можно сказать, повезло. Вместо одной невесты сразу три! Многие бы позавидовали такой популярности. Но надо отдать должное и мне. Именно мой голос и мои баллады пробудили любовь к барону, по крайней мере в одном сердце. Ведь не зря же та барышня в особняке сказала, что влюбилась накануне свадьбы подруги, то есть во время девичника, на котором я и пел. Так что я, как всегда, сослужил кому-то добрую, а кому-то и не очень, службу. Только ведь никто об этом никогда не узнает. Я надеюсь.

А пока я размышлял обо всем этом, священник закончил тушить свечи и, грузно шагая, направился в свою комнатушку. Выждав после этого с час, я осторожно и по возможности тихо покинул часовню и зашагал как можно быстрее. Город, кладбище и часовенка на нем удалялись, оставаясь где-

то там, за его спиной, а дождь, холодный и хлесткий, был везде.

* * *

– Да врешь ты все, – фыркнула Рапсода, когда Кред закончил свой рассказ, – не бывает такого.

– Ой, деточка, – театрально вздохнул тот, – пожив с мое, узнаешь, что еще и не такое бывает. Я эту историю, кстати, часто рассказываю, – сменил он тон на более обыденный.

– И не боишься схлопотать по шее? – не удержалась девушка.

– А с чего бы? Барон – не такая уж большая фигура, чтобы высылать за мной ассасинов. Да и в подобные истории обычно действительно никто не верит. Поэтому я взял себе за правило всегда, не таясь, рассказывать правду. Она настолько неожиданная и фантастичная, что ее просто не воспринимают всерьез. Не то, что досужие сплетни.

Дверь в комнату Рапсоды внезапно распахнулась, и на ее пороге появился Зеленая Песня.

– Кред, что ты тут делаешь в такой час? – возмутился он, – ночь на дворе, а ты наедине с девушкой в ее спальне!

Певица покраснела до корней волос.

– Да как можно было вообще такое подумать? Мы же просто разговаривали. Да мы вообще всего четыре дня знакомы! А Кред встал и тихо выскользнул из комнаты.

3. О том, как правильно прихорашиваться и еще о тысяче мелочей, которые надо знать, выходя в свет

Проснувшись следующим утром, Рапсода поняла, что безнадёжно проспала. Нет, бал конечно еще и не думал начинаться, он назначен на шесть вечера, но надо же привести себя в порядок, сделать прическу, морально подготовиться в конце концов, а теперь на все это оставалось всего каких-то жалких шесть часов. Минус час на то, чтобы добраться до дворца и еще около получаса на завтрак. Итого на все про все остается только четыре часа с половиной. Н-да, придется прихорашиваться в ускоренном темпе.

Наскоро набросив свою повседневную одежду (не спускаться же к завтраку в новом платье в самом-то деле), девушка мухой слетела по лестнице на первый этаж и, кликнув хозяина, потребовала завтрака.

Но и здесь девушку поджало разочарование. Растерянный трактирщик, виновато разводя руками, сообщил, что время завтрака давно прошло и что сейчас он может предложить разве что яичницу из двух яиц, да и ту надо сначала приготовить, а печи уже заняты блюдами для обеда.

– Будете ждать? – вежливо поинтересовался он у певицы, с опаской наблюдая за тем, как меняется и без того не особо доброжелательное выражение ее лица.

– Может есть хоть кусок хлеба и кружка молока? – обреченно вздохнула та.

– Найдется, найдется, – обрадовался трактирщик и ментально испарился от греха подальше.

Как только он исчез, Рапсода принялась бормотать себе под нос нечто крайне нелицеприятное об одном чересчур разговорчивом барде.

– Заболтал меня до полуночи... А потом еще этот неудобный момент с Песней. Да разве после такого нормально уснешь?

Одним словом виновный в том, что Рапсода проспала, был найден, и девушка решила высказать ему при ближайшей встрече все, что накипело. Но Кред, как чувствовал, и на глаза ей не попадался. Он не спускался в трактир, пока девушка завтракала, и не был замечен ею в коридоре второго этажа, когда она возвращалась в свою комнату.

«Ну не буду же я его специально искать. Сейчас у меня есть дела и поважнее», – фыркнула Рапсода и взялась за любимое женское занятие.

Оказалось, что проблемы подстерегали и здесь. Изумительной красоты платье, подобранное ею в одной из лавок, было практически нереально надеть самостоятельно.

– Боже, и почему я не подумала об этом раньше? – в голос

сокрушалась девушка, пытаясь самостоятельно затянуть на себе корсет. Шнуровка же, будто издевалась над ней и никак не хотела функционировать, как положено. Платье перекашивалось то в одну, то в другую сторону, неприлично оголяя плечи и грудь. В общем, отражение в зеркале совершенно не совпадало с той мечтой нежно-розового цвета, которую Рапсода купила вчера вечером. А как все было просто в лавке, где швея быстро и сноровисто облачила Си-Диез в подобранный наряд!

Безуспешно подергав концы шнуровки еще минут пять, Рапсода сообразила, что для качественной затяжки нужно как минимум тащить их одновременно, с одинаковой силой и, по всей видимости, достаточно долго. Выполнить эти условия, используя только собственные руки и находясь при этом внутри платья, было просто невозможно. Но не звать же на помощь. Да и кого тут можно позвать? Местную кухарку что ли? Где наша не пропадала! Девушка медленно обошла свою комнату, оценивающе поглядела на кровать... Нет, слишком легкая. На стол... Тоже не подойдет. О стуле вообще говорить не будем. А вот высокий объемный шкаф, хоть и сколочен достаточно криво, но должен подойти. Девушка опустилась на колени и заглянула под шкаф. Пыльновато конечно, но главное не это, а то, что данный предмет мебели имеет ножки, а не стоит дном прямо на полу.

Удовлетворенно хмыкнув, Рапсода поочередно привязала к ближним ножкам шкафа концы корсетной шнуровки, –

каждый конец к своей ножке – а затем встала к шкафу спиной и что есть силы рванулась вперед. Шкаф, слава Иериалу, выдержал. Даже не качнулся. Шнур – тоже. Корсет благодаря этим действиям благополучно затянулся, и, наконец, «уселся» как положено. По крайней мере, на вид. По личным же ощущениям девушки, либо в ее теле появилась парочка лишних органов, которым естественно стало тесновато внутри, либо корсет затянулся чересчур уж сильно. Ну да это не беда, ослабить шнуровку – это не затянуть. Дело правое. Только бы успеть это сделать до того момента, как в легких кончится воздух. В противном же случае существовала реальная угроза не смочь совершить следующий вдох.

Отвязав концы шнура от ножек шкафа, Рапсода немного ослабила корсет, а затем, наконец, завязала его. Взглянув в зеркало, она осталась довольна. Осталось только провести последний тест. Си-Диез взяла хороший певческий вдох. Корсету этот фокус не понравился. Пришлось ослаблять шнуровку еще раз, иначе о пении во дворце можно было и думать забыть.

– Ну что, первая фаза успешно завершена. Можно переходить к более приятным занятиям, – сказала себе девушка, покончив наконец с корсетными делами, и принялась поправлять подъюбники и взбивать кружева на рукавах, придирчиво разглядывая себя в зеркало со всех ракурсов.

Надо отметить, что это действие заняло у девушки не менее часа, когда как на шнуровку и затягивание корсета ушло

минут пятнадцати-двадцати максимум, если считать со всеми неудачными попытками. Сеанс самолюбования мог продлиться и дольше, если бы не скрип открываемой двери. В зеркале появилось отражение Креда, вошедшего в комнату и стоявшего теперь в нескольких шагах позади Рапсоды.

– Добрый день, – лучезарно улыбнулся бард.

Девушка вздрогнула и медленно повернулась к незваному посетителю.

– Ты... Ты что здесь делаешь? – Девушка даже не знала, чего сейчас в ней больше: удивления или возмущения.

– Да так. Зашел вот, – был ответ.

– Просто так вот взял и зашел? – тихо и даже как-то слегка растерянно переспросила Рапсода, а потом неожиданно (даже для себя неожиданно) взорвалась, – Взял и зашел! Даже не постучал! А если бы я была голая?

– Вообще-то я стучал. Минут десять подряд, – вставил Кред.

– Так что же, если ты стучишь, а тебя не приглашают войти, то обязательно надо сунуть свой поганый нос за дверь? – не унималась певица, – извращенец!

– Осознаю свою ошибку, – примиряюще заговорил Кред, скидывая руки в извиняющемся жесте, – лежачего не бьют.

Похоже, последняя сказанная им фраза навела Рапсоду на какую-то очень интересную мысль, и она стала с азартом оглядываться по сторонам в поисках чего-нибудь потяжелее.

– Рапи, Рапи, Рапи, – затараторил бард, разгадавший ее

намерения, – ну зачем же так сердиться? Ты ведь была одета. Кроме того я уже ухожу.

– Не смей называть меня Рапи! – взревела певица и зашвырнула в барда кувшином, но тот ловко увернулся и проворно выскочил из комнаты.

– Видишь, я уже ушел, – донеслось из коридора, – кстати, ты бы не кричала так. Тебе сегодня еще петь. Кроме того тебя весь трактир слышит.

Услышав дикий рык, доносящийся из комнаты Рапсоды, Кред поспешил к лестнице на первый этаж.

– Кстати, чего я заходил-то, – крикнул он набегу, – обед готов. Спустишься? – Ну что за скверный сегодня день? – спрашивала у себя Рапсода, усевшись на кровать. Поднявшееся было во время одевания платья настроение вновь стало хуже некуда. И теперь одним красивым нарядом хорошее расположение духа себе не вернешь. Правда вкусный обед мог бы поспособствовать в этом нелегком деле, но теперь она ни за что не спустится в общий зал. Придется поголодать до бала, ведь там наверняка подадут хоть какие-нибудь закуски.

Игнорируя бурчание в животе, Рапсода взялась за расческу и принялась сооружать из своих волос высокую прическу. Вот только то, что выходило из-под ее рук, больше напоминало муравейник, из которого тут и там торчали блестящие головки шпилек. Сказывалось отсутствие навыка. Раньше-то такие изыски были без надобности: заплела косу и порядок, а надоела коса – распустила волосы по плечам, и вот тебе

новая прическа. В тавернах и даже в домах купцов и мелких дворян можно было себе позволить такой внешний вид, но не в королевском же дворце!

Стук в дверь отвлек Рапсоду от созерцания собственной прически.

– Пошел вон, – громко крикнула она, вгоняя в волосы очередную шпильку.

– Я только хотел напомнить, что мы выходим через полчаса, – раздался из-за двери голос Зеленой Песни, – ты будешь к этому времени готова?

Последние слова он договаривал уже глядя Рапсоду в лицо, потому что та сорвалась с места и бросилась открывать дверь сразу, как только поняла, кто находится за дверью.

– Прошу прощения, – замялась девушка, – я думала, что это не ты за дверью.

Бард хмыкнул и тактично не стал уточнять, с кем его спутали.

– Зайдешь? – предложила певица, делая приглашающий жест.

– Благодарю за приглашение, но не думаю, что у тебя сейчас есть время на гостей, – и он указал на волосы Рапсоды.

– Совсем не знаю, что с этим делать, – развела руками девушка.

– Ну, я парикмахер весьма посредственный, а вот Кред мог бы помочь.

– Опять он? – вырвалось у девушки, но она тут же взяла

себя в руки и задала другой вопрос, – а чем он собственно мог бы помочь? Откуда бы ему уметь делать прически?

– Понимаешь, – начал Зеленая Песня, все же зайдя в комнату и затворив за собой дверь, – Кред – шпион, и отличный шпион, скажу я тебе. Самый настоящий мастер перевоплощения.

– Не хочешь ли ты сказать, – медленно начиная понимать она, к чему клонит бард, – что он переодевается в женщину?

Поразмыслив о чем-то с полсекунды, полуэльф утвердительно кивнул.

– Ну тогда я с радостью приму его помощь, – предвкушая грядущее удовольствие, сладко пропела Си-Диез, – можешь позвать его? А то времени до выхода осталось так мало, – и девушка аккуратно, но настойчиво выпроводила барда из комнаты.

А теперь надо подготовиться. Прежде всего, шпильки долой. Пусть волосы, наконец, спокойно рассыплются по плечам. Нельзя позволить ему увидеть этот муравейник, а то миг триумфа неминуемо будет испорчен. Теперь сесть в кресло перед зеркалом, еще раз проверить, все ли в порядке с платьем и можно ждать.

В дверь постучали через пару минут.

– Войдите, – пропела Рапсода и уставилась в отражение входной двери.

Ожидание оправдалось на все сто. На пороге стояла высокая, худощавая и уже немолодая дама в дорогом, но уже

несколько лет как вышедшем из моды платье. Волосы ее действительно были тщательно уложены и напудрены, а из-под искусно подведенных ресниц на Рапсоду глядели карие глаза Креда.

– Миледи требуется помощь? – осведомился бард высоким женским голосом.

– Так вот почему тебя называют Кред-колокольчик, – прыснула девушка, оборачиваясь к гостю.

– Давай вот только без хи-хи, – уже своим голосом отозвался бард и, захлопнув дверь, направился прямо к девушке, – у каждого своя работа. Как тебя заплести?

– Да хоть как-нибудь, – пожала плечами девушка.

Кред страдальчески закатил глаза и взялся за расческу.

– И часто ты вот так... перевоплощаешься, – не удержала свое любопытство Рапсода.

– Периодически, – буркнул бард, – да не крутись ты. Дерну – больно будет.

– А периодически – это сколько раз? – не отставала девушка, послушно замерев в одной позе.

– Эфо пофти кафдый раф, кохта я отпфафляюсь на дефо, – прошамкал Кред сквозь булавки, зажатые в губах.

– Чего-чего? – не поняла девушка.

– Почти каждый раз, когда иду на дело, – перевел бард с парикмахерского на человеческий. – Хотя, наверное, скорее через раз.

– То есть тебя при дворе знают, как двух разных бардов? –

изумилась Рапсода.

– Да не дергайся ты так, – рыкнул Кред, – беспокойная какая попалась. Шпилькой в ухо получить хочешь?

– Извини. Слушай, если ты прикидываешься женщиной бардом, это значит ты и петь можешь как женщина?

– Могу, – мрачно подтвердил Кред, – доказать?

– Не сейчас, – аккуратно отказалась девушка, рассудив, что еще успеет послушаться барда на балу. Да и лучше его сейчас не сердить. Шпилька в ухе – не самое приятное, что может случиться в жизни.

Но проклятущее любопытство никак не хотело успокаиваться.

– А как тебе удалось стать настолько популярной, чтобы тебя приглашали в королевский дворец? Ты ведь далеко не красавица.

– Слово «талант» тебе ни о чем не говорит? Кроме того красивая женщина привлекает слишком много внимания. Недопустимая роскошь при моей профессии – Кред, по всей видимости, решил не обращать внимания на подначки, – готово, миледи. Такая прическа устроит?

Рапсода посмотрелась в зеркало и с удивлением обнаружила на своей голове сооружение, напоминающее парусник, сотворенное из ее собственных светло-русых волос. Девушка даже потеряла дар речи.

В этот момент в дверь снова постучали (здесь что, проходной двор?) и на пороге появился Зеленая Песня со сло-

вами – Ну вы гото... Ооо...

– Несколько экстравагантно конечно, но... – пожал плечами Кред, высказав свое отношение к собственному творению.

– Нет-нет, все прекрасно, – поспешно заверил его полуюэльф, – столичные модницы умрут от зависти.

– Я не хочу идти с ЭТИМ на голове, – возмутилась Рапсода, – пусть он переделает.

– Чем тебя корабль-то не устраивает? – ехидно поинтересовался Кред, но Зеленая Песня не дал девушке ответить.

– Нет времени. Нас уже ждет карета. Если тебе не нравится, просто распусти волосы и все.

Недовольно бурча, Рапсода покорно вышла из «Трех ключей» и забилась в самый угол кареты, присланной за бардами. Волосы расплетать не стала. Уж лучше пусть будет так, чем распустехой.

Дорога до дворца заняла немногим больше четверти часа. Когда карета остановилась на краю главной городской площади, на которой и располагалась королевская резиденция, было четыре часа пополудни. Лакей в сине-золотой ливрее лихо распахнул дверцу и споро выдвинул откидную ступеньку. Зеленая Песня, первый выскочивший из кареты, галантно подал руку сначала Креду, а затем помог выйти и Рапсодде. Что и говорить, галантный кавалер. Высокий, гибкий, он был облачен сегодня в суконные брюки и куртку зеленого бархата. Голову его украшал берет такого же цвета с тонкой

изысканной вышивкой соломой нитью. Хороший ход: головной убор привлекал внимание к лицу, а лицом бард явно пошел в своего эльфийского родителя. Да, если принимать за аксиому высказывание Креда «красота привлекает слишком много внимания», то скрытность явно не была коньком Зеленой Песни.

Придя к такому выводу, девушка не замедлила поделиться им с Кредом, с которым шла под руку в нескольких шагах позади полуэльфа.

– А ты как думала? – удивился тот, – чем больше он будет блистать, тем меньше вероятности, что на нас будут обращать внимание. В идеале нас вообще не должны запомнить. И так и будет, если ты не станешь высовываться. Песня свою роль знает. Мы с ним частенько работаем в тандеме.

Пока Кред посвящал Рапсоду в эти тонкости, компания успела пересечь площадь и подойти к парадным дверям дворца, где их встретил еще один человек в сине-золотом одеянии.

– Добрый день, господин, – поклонился он Зеленой песне, – добрый день, сударыни. Я Тайлас, распорядитель сегодняшнего мероприятия. Вижу, вы приехали на карете для приглашенных музыкантов. Назовите себя, и вас тут же проведут в приготовленные для вас апартаменты.

Зеленая Песня обворожительно улыбнулся:

– Вы же отлично знаете, с кем говорите, милейший. Не так ли?

– Да, но, – смутился распорядитель, – положено представиться. Так с кем имею честь беседовать?

– Странник, прибывший напрямиком из эльфийских дубрав, бард Зеленая Песня к Вашим услугам, – отвесил элегантный поклон тот и стрельнул глазами в сторону своих спутниц, – я был удостоен чести сопровождать ко дворцу госпожу Состанну, имя которой Вам тоже наверняка известно, и ее ученицу.

Кред сделал книксен и, тайком дернув Рапсоду за юбку, заставил ее последовать своему примеру. Девушка машинально присела, догадываясь, кто из них двоих знаменитая певица, а кто – ученица.

– Конечно-конечно, – заверил тем временем Зеленую Песню распорядитель, – мы вас ждали. Одно мгновение, – и он подал знак одному из мальчиков-пажей, стайкой собравшихся невдалеке, – проводи господина Зеленую Песню и госпожу Состанну с ее ученицей в их комнаты. Парнишка поклонился и повел троицу за собой.

Хоть до начала бала оставалось еще целых два часа, дворец буквально кипел. Широкие коридоры, устланные роскошными коврами, были заполнены спешащими куда-то слугами и чинно прохаживающимися гостями. Троица во главе с пажом влилась в общее движение и спустя несколько минут очутилась перед дубовой лакированной дверью. Рапсода, чувствувавшая себя в этой круговерти, мягко говоря, не в своей тарелке, облегченно вздохнула и шагнула было к

двери, но паж опередил ее.

– Это апартаменты для господина, – безапелляционно заявил он, – Надеюсь, Вы останетесь довольны, – и он учтиво поклонился полуэльфу, – дамы, прошу следовать за мной.

– До встречи на балу, – попрощался Зеленая Песня и, отвесив полупоклон, скрылся за дверью.

Парочке бардов ничего не оставалось, кроме как продолжить путешествие по наполненным людьми коридорам. Вскоре их провожатый снова остановился, указывая на дверь.

– Ваши апартаменты, госпожа, – поклонился он Креду, как и распорядитель с первого взгляда распознав, кто из двух дам главный, – почувствуйте себя как дома. Если что-то потребуется – вызывайте слугу.

– Благодарю, ты можешь быть свободен, – важно произнес Кред женским голосом и сделал царственный жест рукой. Парнишка еще раз поклонился и через пару мгновений затерялся в толпе.

Покои, отведенные госпоже Состанне, были наверняка не самыми шикарными во дворце. Светлая, но небольшая в масштабах всего здания комната, была меблирована простенько и со вкусом. Пара мягких кресел, небольшой пухлый диванчик да круглый столик на трех ножках. Никакой вычурной резьбы, никаких инкрустаций. Все просто и функционально. Разве что тяжелая бронзовая рама зеркала, висящего на одной из стен, выделялась своей узорчатой чеканкой.

Для дворянина, даже для самого мелкого, эта комната была бы оскорблением, но Креда и Рапсоду она более чем устраивала. Первого потому, что ему, собственно говоря, было все равно, куда его поселят. Вторую же потому, что здесь была еда. На вышеупомянутом столике разместились блюдо с холодными закусками, фруктовая ваза и графинчик с вином.

Это открытие несколько повысило настроение Рапсоды, но не настолько сильно, чтобы она не высказала свое возмущение по поводу местных порядков вслух.

– Почему Зеленую Песню разместили первым? – недовольным тоном поинтересовалась она у Креда, – ведь по этикету положено ухаживать сначала за дамами, а дамы – это мы.

– Потому что в высшем обществе есть и другие правила, кроме этикета, – нравоучительным тоном отозвался тот, вальяжно развалясь на диване, – к примеру, здесь действует закон, гласящий «кто важнее, тот и первый». И не стоит забывать, что в нашей компании Песня – самый важный, а мы должны умело скрываться в его тени.

– Н-да, – пробормотала девушка с набитым ртом, – и комнату ему, небось, поприличней выделили. Ну, хоть поесть здесь есть чего.

Проглотив первую порцию, Рапсода ухватила с блюда очередной кусочек. По мере насыщения, она почти физически ощущала, как доброта и благосклонность постепенно заполняют ее.

– А откуда у тебя этот псевдоним? – как можно дружелюбнее спросила она.

– Состанна? – уточнил бард, – от *sostenuto*.

– *Sostenuto*, значит. Ритмически точный что ли?

– Просто точный и сосредоточенный, – немного обиделся музыкант.

– А Кред значит от *credo*, – догадалась Рапсода, – верующий сильно?

– Ну, нельзя же все переводить дословно, – фыркнул бард, – если дословно *credo* – верую, то это не значит, что других значений у слова нет. Скажем так, я человек, имеющий свою сформировавшуюся жизненную позицию. А теперь дай поспать, я устал.

– Слушай, а как мы узнаем, что начался бал? – не унималась девушка, покончив с закусками и переходя на фрукты.

– За нами пришлют, когда будет пора, – ответил Кред похоже, устраиваясь, чтобы немного вздремнуть перед выходом.

– А ты знаешь, куда идти? – озадачилась девушка.

– Нас проводят. Расслабься. И помолчи пожалуйста, я пытаюсь заснуть.

– А спать с косметикой на лице вредно для кожи, – из вредности сказала Рапсода, – а еще тушь может потечь.

Кред только скептически хмыкнул:

– Тоже мне, знаток выискался. Ты еще скажи, что тушь от помады отличить можешь, мисс Я Не Умею Укладывать

Собственные Волосы.

И он закрыл глаза, тем самым намекая, что разговор окончен.

– Послал же Бог наставницу, – проворчала девушка.

И тут ее осенило.

– Вы же вроде говорили, что я обязана принять участие в этой афере потому, что с этим делом может справиться только женщина, а среди членов гильдии женщин нет, – осторожно начала она.

– Угу, – нехотя подтвердил Кред, приоткрывая один глаз.

– А ты тогда кто? – обвиняюще ткнула в него пальцем девушка.

– Все-таки догадалась, – устало вздохнул бард и, наклонившись к Рапсодe через стол, продолжил в полголоса. – Уже хорошо. Значит, не так плохо соображаешь. Конечно, эту работу мог бы выполнить и я, но нам было нужно новое лицо не примелькавшееся при дворе.

– Насмешил! Если бы ты примелькался при дворе, тебя бы давно отправили на пенсию. Шпионы – они незаметные.

– Ты не вполне понимаешь ситуацию. В положении человека, которого хорошо знают, есть одна приятная особенность: ему доверяют, его приближают к себе. Такого человека перестают замечать, потому что он становится для окружающих чем-то вроде части интерьера. Это и дает мне возможность слышать то, чего не удастся услышать другим. Но тут совсем другое дело. Принцесса – бунтарка. Ее не интере-

суют привычные вещи, ей подавай что-то новое. К старой перечнице, которая постоянно мозолит глаза, она даже не прислушается. Поэтому нам просто необходима помощь человека, который еще ни разу не был при дворе. Понимаешь?

– А если я вас выдам? Прямо здесь, на балу. Сегодня здесь соберется очень много людей, которым будет интересно узнать о вас правду.

– Не выдашь, – уверенно заявил Кред, – какой тебе в этом резон? Хочешь для разнообразия пожить в порабощенной стране? Или ты забыла, ради чего мы здесь?

Рапсода помнила.

– Ну раз так, то будь любезна, прекрати строить из себя строптивицу. Надоело.

Девушка собралась было швырнуть чем-нибудь в нахального барда, но тот и не подумал пугаться. Он просто устроился поудобнее и прикрыл глаза. Рапсода не знала, спал этот хам на самом деле или притворялся, но когда в комнате появился слуга, шпион даже и ухом не повел.

– Госпожу Состанну вместе с ученицей ожидают в балльном зале, – немного помешкав, возвестил вошедший.

– Ну вот, поспать так и не дали, – притворно вздохнул Кред, и, встав, последовал за слугой. Рапсода засеменила следом.

– А фантазии у тебя явно маловато, – шепнул на ухо певице бард, резко обернувшись к девушке и взяв ее под руку, – только и знаешь, что кидаться чем попало. Надо быть

тоньше. Ты же девушка. И умоляю, не делай такое лицо. Ну, хотя бы этим вечером. Гостей распугаешь.

Бальный зал оказался ровно таким, каким его представляла Рапсода. Он был огромным, светлым, с начищенным до блеска паркетным полом, витыми колоннами, поддерживающими потолок, и хрустальными люстрами. Вдоль стен стояли мягкие стулья, заботливо приготовленные для уставших от танцев гостей, а так же столики, уставленные блюдами со всевозможными деликатесами. Имелась здесь и небольшая сцена, на которой стоял рояль. В общем, в зале было решительно все, чему в нем полагалось быть, за исключением гостей. Рапсода поделилась этим наблюдением с Кредом, но тот, скептически фыркнув, осведомился:

– А ты думала, что сначала здесь соберут всю знать, а потом уже созовут музыкантов? Мы здесь не на прогулке. Запомни: балы – это работа.

– Знаешь, когда ты женщина, у тебя еще более поганый характер, чем когда мужчина, – надулась певица.

– Девочки, не ссорьтесь, – раздался за их спинами жизнерадостный голос Зеленой Песни. Бард подплыл к ним и, лучезарно улыбаясь, дружески приобнял обоих за плечи, – ну хоть здесь-то не цапайтесь, неприлично. А то, что неприлично, вызывает любопытство окружающих, которое нам совсем не на руку. Так что улыбаемся, миримся и по местам.

– По каким местам? – не поняла Рапсода.

– Ох уж эта молодежь, всему учить надо, – принялся те-

атрально сокрушаться Кред, не забывая впрочем, что он – дама, и голос у него должен быть женский, – зачем бардов приглашают в бальный зал заранее? За тем, чтобы когда гости начнут собираться, здесь уже звучала музыка. Ну что, сбациаем на троих? – моментально переменял он тон, подмигивая приятелю.

– Да запросто, – усмехнулся тот и, усевшись на край сцены, принялся расчехлять принесенную с собой гитару. Кред же направился к роялю.

– Ты же вроде лютнист, – удивленно захлопала глазами Рапсода, когда он уселся на банкетку и изящным движением руки откинул крышку.

– Кред лютнист, – хихикнул тот, – а я Состанна – пианистка, – и он ловко изобразил гаммообразный пассаж левой рукой, причем скорость и техника были впечатляющие.

– Ты что-нибудь споешь или мы пока вдвоем поиграем? – вежливо осведомился Зеленая Песня у Рапсоды, которая так и стояла, пораженно глядя на то, как порхают над клавиатурой руки Креда.

– А что петь? – неуверенно спросила девушка.

– Пой все, что тебе захочется, – улыбнулся полуэльф, – мы подыграем.

– Даже если окажется, что вы этой песни не знаете?

– Наивная, – возмутился Кред из-за рояля, – мы тебе не дрань подзаборная, а барды высшего класса. Да любой лабух справится с такой задачей. И вообще с чего ты взяла, что

твой репертуар богаче нашего?

– Госпожа Состанна, оставьте жаргон, будьте так любезны, – брезгливо поморщился Зеленая Песня.

– Уже молчу, Зелененький, – сладким голоском произнес Кред, сопровождая свою речь трелью где-то в третьей октаве.

– А если я спою что-то не соответствующее ситуации? – не успокаивалась девушка.

– Поверь моему опыту, – авторитетно заявил Кред, моментально забывший, что он «молчит», – все, что не является матерными частушками, будет соответствовать ситуации. Хотя, возможно, ближе к утру подойдет время и для частушек... Правда, Зеленый?

Полуэльф неопределенно хмыкнул в ответ.

– Кстати, – осмелилась задать-таки вопрос Рапсода, – почему у тебя такой странный псевдоним: Зеленая Песня?

– И что ты сегодня к именам-то прицепилась? Как будто у тебя псевдоним не странный. Нагромождение исковерканных музыкальных терминов, а не имя, – вставил Кред и тут же добавил, – молчу, молчу.

– Это не нагромождение, а ключ к моему характеру, – надулась певица, уязвленная до глубины души таким непониманием ее гениального замысла, – Рапсода – значит рапсодия, иначе баллада, скерцанда – от scherzo, дословно – шутка, а виваче – живой, быстрый. Веселая, шустрая бардесса, вот что значит мое имя!

– А Си-Диез? – вновь встрял Кред, – почему не до? Это же одно и то же! Или ты не любишь легких путей?

– Со мной все просто, – отозвался полуэльф, не обратив внимания на комментарий приятеля, – я наполовину эльф, наполовину человек. Мое человеческое имя для барда слишком заурядно, а эльфийское – сложнопроизносимо. Оставалось только придумать себе имя, которое одновременно было бы и понятно человеческому уху, и имело бы эльфийский колорит. Возможно, звучит немного пафосно, но я ведь пафосный эльфийский щеголь и есть.

– А имя покороче у тебя есть? Ну, так сказать, для внутреннего пользования?

– Вообще... если о-о-очень сильно сократить мое эльфийское имя, то, пожалуй, Дар. Запомнишь?

– А от какого имени получается такое сокращение?

– Тебе правда хочется это знать? – улыбнулся полуэльф и выдал, – Андилиаваррдаризель. Это первое имя, причем с точки зрения эльфов оно и в таком виде является сокращенным. Полное интересно?

– Пожалуй, я обойдусь просто Даром, – выдавила девушка.

– Ну, мы играть сегодня будем или где? – снова подал голос Кред, – а то тут уже очередь выстраивается, – и он мотнул головой в сторону понемногу растущей группки бардов, – давай, Рапи, запевай уже хоть что-нибудь.

Девушке не оставалось ничего другого, кроме как запеть,

пропустив «Рапи» мимо ушей. К концу первой фразы к ее голосу присоединился тихий перебор гитары, а в начале второй зазвучал и рояль.

Вскоре в зал вошла королевская чета. Им, как хозяевам бала, следовало встречать и приветствовать всех гостей.

А барды все продолжали играть.

Зал тем временем начал постепенно заполняться наряженными дамами и кавалерами. От разнообразия цветов, материалов и фасонов, у Рапсоды зарябило в глазах. Она с жадностью впивалась глазами то в блондинку в бордовом бархате, то в шатенку в голубом атласе, впитывая в себя окружающую роскошь и стараясь запечатлеть ее в памяти как можно ярче. Приз же зрительских, точнее, Рапсодиных симпатий, безоговорочно получила маленькая хрупкая девушка в пышном платье кремового цвета, украшенном живыми розами. Цветы были и в ее серебристых волосах. А какие на ней были украшения! Цена одних только сережек была выше, чем годовой доход с поместья любого из гостей. Ну ладно, не любого. И не годовой. Но на ней же еще было золотое кольцо с крупными бриллиантами, да и перстни на пальцах имелись.

Правда молодая супруга Драумана почти не уступала ей во внешности, а в резвости и проворстве так и превосходила ее. Королева буквально порхала по залу, улыбаясь одним, перебрасываясь парой слов с другими, грозя пальчиком третьим. Драуман, напротив, был сама степенность. Он предпочитал подолгу останавливаться возле какого-нибудь молодого

го дворянина и вести с ним неспешную обстоятельную беседу. Видимо проводил собеседования среди кандидатов на руку наследницу престола. Правда супруга его часто отвлекала, капризно прося его проверить, в порядке ли ее макияж или прическа. Наверное, не знала, как еще привлечь к себе его внимание.

И, кстати, возвращаясь к волосам. Прическа этой девушки конечно была более или менее стандартной, но у многих явившихся на бал дам на головах было нечто очень похожее на вазы с фруктами или, к примеру, цветочные грядки в миниатюре. А у одной из волос была сооружена скрипка! Так что Рапсода с ее кораблем в итоге не сильно-то и выделялась.

Интересно, знал Кред, что такие изыски сейчас в моде или хотел зло пошутить, да не вышло? А, черт с ним. Не все ли равно?

Рапсода так засмотрелась на выделенную ей среди всех девушку, что чуть было не позабыла слова баллады.

– Я все понимаю, намеченная цель, туда-сюда, но лучше на принцессу так откровенно не пялиться, – тихо шепнул ей на ухо Кред, когда баллада была уже допета, и триоца спускалась со сцены, уступая место другим музыкантам.

– Та, в кремовом и с дорогушими бриллиантами – принцесса?

– А чему ты удивляешься? Сама же заметила, что она как минимум одета дороже всех присутствующих. Да и мелиз-

мами³ вся увешана.

– Ты хотел-л-ла сказать «украшениями»? – несколько удивилась девушка.

– Вообще-то я так и сказала, – пожал плечами Кред, – а почему ты так удивляешься? Ты что, ее раньше не видела?

– Видела, когда ей было двенадцать, – с неохотой ответила Си-диз. И в самом деле, какому барду захочется признаться в том, что он не знает в лицо всех членов королевской семьи, – но она с тех пор немного выросла.

– Ты так редко бывала в столице? – сделал круглые глаза шпион.

– Нет, – обиженно буркнула Рапсода, – просто не всех бардов приглашают во дворец, – и продолжила, переходя к интересующему ее вопросу, – но если эта девушка – Алана, то она, как хозяйка бала, должна приветствовать гостей или что-то в этом роде...

– Я же, кажется, уже говорил, что Алана бунтарка. Она всегда делает не то, что должна. Кроме того у Драумана есть жена, которая вполне может выполнить роль хозяйки бала за его дочурку.

– Да что же это за бунт такой? – поразилась певица, – она же просто сидит в одном из кресел и говорит только с теми, кто сам к ней подходит. Причем вполне вежливо говорит. Вот если бы она, к примеру, ругалась как сапожник или едой

---

³ Мелизмы – мелодические фигуры, украшающие мелодию: мордент, форшлаг, трель, группетто.

бросаться начала – это был бы бунт.

– Наша принцесса бунтарка, но не невоспитанная же дура, – возразил ей Кред, – она отлично знает, как нужно себя вести в том или ином обществе. В данный момент она находится среди светских львов, а в этом кругу для того, чтобы бросить вызов окружающим, достаточно не делать то, что обязывает делать этикет. Делать же то, что этикет запрещает – уже перебор.

– Даже так, – Рапсода просто диву давалась, сколькими условностями опутали себя эти люди. Причем по доброй воле. Неужели все эти противоречащие друг другу правила можно помнить и при этом жить, не нарушая ни одно из них?

Проходящий мимо лакей учтиво предложил Рапсоду и Креду поднос, уставленный бокалами с вином. Девушка протянула было руку, но спутник поспешно шепнул ей на ухо:

– Вина не пей.

– Почему? – с удивлением спросила девушка, но руку все же отвела.

– Дурной тон. Уважающие себя барды не пьют на работе, – и уже громче, так чтобы услышал лакей, – благодарим, но не нужно.

Парень поклонился и продолжил свой путь.

«Ну вот, только подумала, сколько же много правил в этом мире высшего общества, и на тебе, еще одно».

Не успела Рапсода додумать эту мысль, как к ней подошел молодой человек в темно-вишневом камзоле.

– Разрешите пригласить Вас на танец, – произнес он, вежливо кланяясь Рапсоде.

– Я... Эээ... – замялась девушка.

– Моя подопечная устала, – спас ситуацию Кред, – этот танец она пропустит...

«Пронесло», – благодарно подумала Рапсода.

– ...но следующий танец ваш, – закончил бард, благоклонно улыбаясь темно-вишневому.

«Не пронесло».

А молодой человек кивнул в знак согласия и, поклонившись, покинул дам.

– Не смей отказываться, если тебя приглашают, – начал Кред очередное нравоучение, – отказавшей даме подсознательно будет приписываться все плохое, что только сможет вспомнить обиженный кавалер. Дама же, с охотой согласившаяся потанцевать, оставит только приятные впечатления. Делай то, что нравится людям, и они запомнят только твой поступок, порадовавший их. Сделаешь что-то, что человеку не понравится, и он запомнит тебя до малейшей черточки. Такова психология. Люди по природе своей злопамятны. Ты же понимаешь, к чему я клоню?

– Разумеется, – ответила девушка, постепенно начавшая вникать в логику, – делая нечто неприятное для человека, я рискую, во-первых остаться им запомненной, а во-вторых стать в его глазах злодеем местного масштаба.

– Вот именно, – просиял Кред, обрадовавшись успехам

своей ученицы, – а когда выяснится, что пропала принцесса, кого заподозрят в первую очередь? Ну конечно же злодея местного масштаба. Благо и автопортрет его бережно хранится в памяти. Так что будь умничкой и танцуй. И не забывай улыбаться кавалеру во время танца, смеяться над его шутками, стрелять глазками... Ну ты меня поняла. Только не перебарщивай...

– Знаю-знаю, дурной тон.

– Какая умница, – подначил ее шпион, – еще годик-другой и можно будет в люди выводить.

Пока они общались, танец-отсрочка закончился.

– Забыла спросить, – осведомился Кред у Рапсоды, отыскав взглядом темно-вишневого кавалера, направляющегося к ним, – ты танцевать-то умеешь?

– Вовремя Вас это начало интересовать, госпожа, – саркастически заметила девушка, – сказать, что я упражнялась в танцах каждый день, было бы преувеличением, но основы знаю, – закончила она совсем тихо и лучезарно улыбнулась подошедшему кавалеру. Тот поклонился в ответ на улыбку и подал девушке руку. Певица оперлась на нее, и пара поспешила занять место в круге танцующих.

На счастье Рапсоды по программе был падеграс: танец медленный и не требующий особого мастерства. Единственное, что смущало, так это то, что фигуры предполагали постоянную смену партнера. Таким образом, к моменту, когда музыка стихла, и танец окончился, девушка не только успела

перетанцевать с доброй половиной кавалеров, но еще и закончила танец совсем не с тем молодым человеком, который ее приглашал. Кавалера же это ничуть не смутило. Он вежливо поинтересовался, куда проводить девушку, и когда та указала на Креда, подвел ее к нему и, раскланявшись, удалился.

– Развлекаетесь? – осведомился Дар, подходя к товарищам, – как тебе высшее общество, Вива?

– Великолепно, – отозвалась та, рассудив, что «Вива» все-таки намного лучше, чем «Рапи», – вот если бы оно ко мне еще не подходило, было бы вообще замечательно.

– Не хочешь танцевать?

– Не то, чтобы не хочу. Как бы поточнее выразиться... Для меня каждый танец – экзамен. Пусть Терпсихора⁴ не обижается, но я служу совсем другой музе со всеми вытекающими последствиями.

– Уговорила, устрою тебе передышку, – улыбнулся Дар и направился к сцене. Достигнув ее, он перекинулся парой слов с музыкантами, и те уступили ему место.

– Уважаемые дамы и господа! – возгласил давешний распорядитель, – Высококочтимые гости! Сейчас своим талантом с нами поделится знаменитый бард, пришедший к нам из самых глубин эльфийских лесов. Бард, чье имя всем давно известно. Зеленая Песня! Прошу, маэстро.

Дар церемонно поклонился публике, дождался, пока го-

---

⁴ Терпсихора – муза танца.

сти рассядутся и только после этого взял в руки инструмент. Он заиграл тихо-тихо. О грусти, что витает в ночи. О соловьях, что щебечут в садах. О ломкой и нежной печали и еще чем-то таком, что может понять только сердце.

Все притихли, прислушиваясь к музыке, льющейся из-под пальцев музыканта, и вот, когда вся публика, затаив дыхание, достигла наивысшей точки сосредоточения, все поменялось в один миг. Резкое форте разорвало тишину. Буйная, неудержимая мелодия взвилась ввысь, вдохновляя, зовя за собой, побуждая к подвигам. Она огненным вихрем пронеслась по залу, и вдруг исчезла, сменившись отголосками первой мелодии.

Гитара вздохнула в последний раз и смолкла, а публика все еще не смела шелохнуться, боясь спугнуть послезвучие. Спустя полминуты на барда обрушились рукоплескания и восклицания «Восхитительно», «Бесподобно!».

Дар поднялся на ноги, с достоинством поклонился и сошел со сцены.

Рапсода хлопала, что было сил.

– Молодца, Зелененький, показал им класс, – похвалил приятеля Кред, когда тот вновь подошел к друзьям.

– Потрясающе, просто потрясающе, – повторяла Рапсода, не находя других слов.

Правда, ее восторг поубавился, когда распорядитель громко и ясно объявил следующий танец. Девушка умоляюще посмотрела на Дара.

– Что мог, я уже сделал, – виновато развел он руками, – сегодня здесь полно музыкантов, и каждый хочет выступить. Меня бы не поняли, задержись я на сцене.

– А может мне хватит уже оставлять хорошее впечатление и пора уже пообщаться с принцессой? – с надеждой в голосе спросила она, опасливо поглядывая на спящих мимо кавалеров.

– Можешь попробовать, – благосклонно разрешил Кред, – тем более что во время выступления Дара она как раз вышла во-о-он в те двери.

Девушка кивнула и двинулась было в указанном направлении.

– ... но я бы все-таки советовал отложить этот разговор на ночь и перенести его в покои ее высочества, – продолжил шпион.

– Ну и как я туда попаду? Тем более ночью, – Рапсода возмущенно обернулась к собеседнику.

– Ночью действительно будет сложновато, – беззаботно ответил тот, – а сейчас, когда почти все слуги вьются вокруг бального зала, пробраться туда достаточно просто.

– Но я представления не имею, в какой части дворца эти покои находятся.

– Так уж и быть, я провожу, – снисходительно согласился Кред.

– Нет, – возразил Дар, – с Вивой пойду я.

– Это еще почему? – в голосе шпиона прозвучала нотка

ревности, – это моя ученица.

– Потому что парочка, блуждающая по темному пустому замку в поисках укромного уголка не вызовет ни у кого подозрений.

– Тоже мне парочка, – фыркнул шпион, – ну иди уже. Забирай свою Джульетту и двигайте.

Получив такое благословение, Рапсода оперлась на предложенную Даром руку, и они неспешно двинулись по краю зала по направлению к выходу.

За дверьми царил полумрак. То ли предполагалось, что во время всего бала гости неотлучно должны были находиться в зале, то ли они попали в служебный коридор, который предназначался для слуг.

Как только дверь, ведущая в бальный зал, закрылась за их спинами, Дар приобнял девушку за талию и зашептал ей на ухо:

– Мы пойдем самой короткой дорогой. По пути мы можем столкнуться с кем-нибудь из гостей. В этом случае ничего не бойся. Просто помни: мы – любовники, – и веди себя соответственно. Да, и если кто-нибудь что-нибудь у нас спросит – молчи. Говорить буду я. Все поняла?

Девушка утвердительно кивнула.

– Тогда вперед, – и Дар увлек Рапсоду вглубь полуосвещенного коридора.

Глаза Рапсоды прекрасно видели в сумерках и погуще чем эти, и девушка не преминула воспользоваться представив-

шимся ей случаем, разглядывая все, мимо чего они проходили. Она сразу подметила, что этот коридор был декорирован ничуть не хуже тех, по которым она проходила днем – значит, он вряд ли использовался лишь в служебных целях. На стенах висели портреты прежних королей и королев, помещенные в массивные золотые рамы. Их перемежали гобелены, изображающие сцены охоты на дикого кабана. После гобелена, на котором собаки почти загнали лесного зверя, Дар свернул направо, Рапсода последовала его примеру. В этом коридоре портретов не было. Стены здесь тут и там были завешены драпировками, и пару раз девушка готова была поклясться, что слышала тихий смех, доносящийся из-за одной из них. Благо она быстро сообразила, что за тканью скрываются проходы в ниши, и не стала задавать лишних вопросов. Но когда из-за одной из таких портьер, смеясь и волоча кого-то за руку, выпорхнула слегка растрепанная дама, Рапсода смутилась окончательно. Дама же, не замечая бардов, продолжала азартно вытягивать кого-то из ниши.

– Ну пойдем же, – Жеманьясь, капризным голоском захныкала она, – душа моя, наше отсутствие могут заметить. Нам пора возвращаться в бальную залу, шалунишка. Ну не упрямясь. У нас впереди целая ночь, мы еще все успеем.

Она в последний раз дернула изо всех сил, и из-за портьер вылетел давешний темно-вишневый кавалер. По инерции он пробежал несколько шагов и буквально врезался в Дара с Рапсодой. Узнав его, певица отчаянно покраснела и спрята-

лась за своего спутника. Темно-вишневый тоже покраснел, но прятаться ни за кого не стал. Растрепанная же дама, заметив, что в коридоре они не одни, захихикала и кокетливо поправила прическу.

– О, кого я вижу. Господин Зеленая Песня. Вы великолепно сегодня играли, просто нет слов. О! Я вижу, Вы с дамой, – воскликнула она, как будто только что заметила, что рядом с Даром есть кто-то еще. Восклицание, кстати говоря, получилось довольно ненатуральным, – Вы тоже решили прогуляться? – она интонационно выделила последнее слово и продолжила, – мы так устали от той толчеи, что творится в зале, что решили сбежать оттуда ненадолго и насладиться тишиной полупустого дворца, но, боюсь, нам пора возвращаться.

И, все так же мило улыбаясь, она ухватила своего остолбеневшего кавалера под локоть и уволокла по направлению к залу, все еще томно мурлыча ему что-то.

– Что это было? – только и спросила Рапсода.

– Не обращай внимания, это здесь обычное дело, – отозвался бард, – светские люди, настолько чопорные и благовоспитанные в бальной зале или в кабинете для переговоров, становятся распушенной и вульгарной своей противоположностью сразу же за его порогом.

И двое музыкантов зашагали дальше, а Рапсода все думала:

«Интересно, если бы этот хлыщ предложил бы мне прогу-

ляться по полупустым дворцовым коридорам, я, по мнению Креда, тоже должна была бы согласиться? А то вдруг обидится и запомнит...»

– Пришли, – вырвал ее из раздумий шепот Дара. Они остановились напротив высоких двойных дверей.

– Сейчас здесь вряд ли заперто, – продолжил бард, не повышая голоса, – твоя задача спрятаться в одной из комнат, дожидаться Алану и поговорить с ней, причем так, чтобы она не подняла крик, когда обнаружит постороннего в своей комнате.

– Ага, – задумчиво ответила Рапсода. Ей как-то и в голову не приходило, что все это будет так трудно.

– Ну, я пошел обратно. Тебе правда придется немного поскучать: бал начался совсем недавно. Так что принцесса, скорее всего, появится здесь нескоро. Но остаться и составить тебе компанию я не могу. Мое отсутствие могут заметить.

– Иди конечно, – обреченно вздохнула девушка.

– Мы обязательно свяжемся с тобой, когда вы с Аланой выйдете отсюда, и обсудим дальнейший план действий. А теперь удачи, – шепнул ей на прощание Дар.

Рапсода дождалась, когда его шаги затихнут в отдалении, а затем глубоко вдохнула (была не была!) и решительно толкнула дверь.

4. О том, как правильно составлять психологический портрет, а так же о сказках, побеге и рынке

Первым, что Рапсода узнала об апартаментах ее высочества было то, что их входная дверь открывалась на себя и что толкать ее как минимум бесполезно, потому что войти все равно не удастся, а как максимум даже вредно, потому что лишний шум обычно привлекает стражу.

– Ну что ж, взрывчатая экскурсия по покоям одной из представительниц правящего дома официально началась, – провозгласила Рапсода, входя внутрь и закрывая за собой дверь, – убедительнейшая просьба: экспонаты руками не лупить. Кстати слюнями на них капать тоже крайне не рекомендуется. Итак, переступив порог, мы сразу попадаем...

Певица попала напрямик в гостиную. По крайней мере, просторное помещение, заставленное всевозможными креслами, креслицами, пуфами и диванами, наводило именно на такие ассоциации.

– Ну что мы тут видим? – продолжала развлекать себя болтовней девушка, – да все как обычно: парча, хрусталь, мебель из дорогих сортов дерева, диковинные статуэтки, картины... Нет, тут язык оббить можно, если все это каждый раз перечислять. Это же дворец, здесь куда не плюнь, везде

статуэтки картины и мебель. Похоже, стоит сменить тактику и говорить о том, чего в комнатах нет.

Поразмыслив, Рапсода заключила, что в гостиной не было трех вещей: пыли, света и живых существ, кроме нее самой, разумеется, если этот пункт конечно можно отнести к «вещам». И если первое и второе девушку совсем не волновало, то третье ее крайне обрадовало. Ей запоздало представилось, что бы с ней случилось, если б в покоях принцессы кто-то находился, когда она вломилась сюда и начала вещать самой себе что-то об эксклюзивах.

Да, стоит вести себя поосторожнее. Скучно конечно, зато безопасно. Но не сидеть же на одном месте в ожидании ее высочества. Одному богу известно, когда ей взбредет в голову отправиться баиньки, так что же теперь – помирать с тоски?

Решив для себя, что смерть, пусть даже в переносном смысле этого слова, в ее ближайшие планы не входит, девушка принялась за активное исследование апартаментов. Кроме входной двери в гостиную или лучше, наверное, сказать в приемной была еще только одна. За нею обнаружился небольшой коридор. Вот тут-то дверей было в достатке: по несколько справа и слева и еще одна в противоположном конце. Недолго думая, Рапсода решила сунуть свой нос в каждую.

За первой дверью справа обнаружилось что-то вроде столовой. Вероятно, тут наследная принцесса трапезничала, ко-

гда хотела побыть одна.

«Тут нас ничего не интересует, – сказала про себя Рапсода. Ведь если нельзя разговаривать вслух, то думать-то никто не запрещал, – я же сюда не столовое серебро красть пришла. Хотя может стоит захватить хотя бы вилку? Исключительно для самообороны – вдруг кто нападет?»

Отметя последнюю мысль, как бредовую, Рапсода решительно закрыла дверь столовой, и открыла первую дверь слева. Здесь оказалась комната для рукоделия и отдыха. Вдоль стен стояли шкафы с пухленькими книгами. Певица взяла одну, вторую...

«Если исходить из того, что библиотеку Алана собирала самостоятельно, то она типичная женщина: сплошные любовные романы. Правда есть и сборники стихов».

Кроме книг принцесса увлекалась еще и вышиванием. А может и не увлекалась, а просто вышивала, потому что так положено. В любом случае в комнате обнаружили пяльцы с незавершенным рисунком, небрежно оставленные в кресле перед столиком, на котором в беспорядке лежали спутанные разноцветные нити. Были здесь и законченные работы. Преимущественно вышитые подушечки, но две вышитых картины были помещены в рамки и повешены на стены. Видимо они были предметом гордости рукодельницы. Одна изображала русалку, плещущую под лунным светом в ночном прибое, – вторая – гибкую дриаду, пляшущую среди деревьев.

«Работы выдают романтическую натуру, – сделала Рапсода вывод, как заправский психоаналитик, – да и предрасположенность к женскому полу на лицо. Ну что, поглядим, чем наша принцесса еще занимается».

В дальнем углу комнаты обнаружилась лютя. Пылью она конечно не заросла, но по всему было видно, что инструмент давно не брали в руки.

«Музыка либо совсем Алану не интересует, либо она просто посредственно играет. Кстати недурно было бы выяснить наверняка, а то мало ли как она относится к бардам».

Больше в этой комнате Рапсода ничего интересного не нашла, а потому направилась в следующую. Она решила продолжить двигаться змейкой и вошла во вторую дверь справа. Эта комната была оборудована, как рабочий кабинет: большой письменный стол, удобное кресло да небольшой шкафчик с ящиками. И бумаги, бумаги, бумаги.

Рассудив, что ее стопроцентно примут за шпионку (интересно, а кем она себя мыслила в этот момент?), если застукают в комнате, где хранятся важные государственные бумаги, девушка поспешно покинула кабинет.

Вторая комната слева тоже не сильно заинтересовала певицу. Помещение было сплошь уставлено ларцами и шкатулками. Замков на них конечно не было, но Рапсода просто кожей чувствовала, что над всем этим складом висит магическая охрана. Тронешь – и в ту же секунду сработает сигнализация. В лучшем случае. В худшем в тебя полетит огнен-

ный шар. В общем, рисковать своим здоровьем ради того, чтобы заглянуть в один из ларцов, Рапсодe не захотелось. И так любому дураку понятно, что там лежат драгоценности.

Осмотр подходил к концу. Неисследованными остались только три комнаты. Рапсода открыла последнюю дверь справа.

«О! Тут я, пожалуй, задержусь подольше».

Это была гардеробная. Платья всевозможных цветов и тканей, рядами развешанные на длинных, из одного конца комнаты в другой, металлических вешалках, поражали воображение. Ну разве может девушка остаться равнодушной, когда ей предоставляется шанс побывать в гардеробной самой принцессы? Нет, таких нарядов больше нигде не увидишь.

Рапсода зачарованно прохаживалась вдоль рядов одежды, затаив от восхищения дыхание. Пару раз она даже позволила себе благоговейно коснуться самыми кончиками пальцев длинного рукава с разрезом, поблескивающего пуговками жемчужин.

«Сколько же здесь нарядов? – думала девушка, окидывая взглядом комнату, – этого богатства должно хватить как минимум на год, при условии, что каждое платье будет надето всего один раз. А ведь с большинством из них, скорее всего так и было. Сшили к какому-нибудь празднику, покрасовалась в нем принцесса один вечер и все – в гардеробную на дальнюю вешалку. Уже не модно».

Рапсоде от этих мыслей аж обидно стало за все эти шедевры портняжьего искусства. В расстроенных чувствах, она направилась к выходу в коридор, но вдруг настороженно замерла на месте. Чуткий слух музыканта уловил какой-то странный звук, доносящийся откуда-то спереди.

«Неужели кто-то пришел, пока я тут прогуливалась? Или еще хуже, кто-то был здесь с самого начала».

Девушка крадучись подобралась к двери и, осторожно выглянув наружу, бросила взгляд сначала в одну сторону потом в другую, но в коридоре было пусто.

«Неужто мне померещилось? Раньше слух меня никогда не подводил. Старею. И это в двадцать-то лет».

Но тут странный звук раздался снова. В апартаментах принцессы действительно был кто-то кроме Рапсоды.

«Лучше бы уж мне показалось».

Звук доносился из-за двери напротив. Глубоко вдохнув, девушка решительным шагом пересекла коридор и распахнула дверь.

«Надо было все-таки взять вилку».

Но комната была пуста. По крайней мере, на виду ничего не было, а спрятаться здесь было негде. Вся обстановка состояла из нескольких декоративных кустов, хаотично расставленных по комнате, пары-тройки подушек, валяющихся в углу, и... миски с водой?

Не успела девушка что-либо понять, как из-за одного из кустов выскользнула маленькая юркая тень и метнулась

к ней. Испугаться Рапсода попросту не успела. Маленькое нечто нырнуло ей под подол и ткнулось в ногу мокрым холодным носом.

«Это же зверинец ее высочества, – догадалась певица, – а раз это животное находится не в клетке, то оно наверняка не опасное».

– Ну-ка, малыш, идем ко мне, я на тебя посмотрю, – тихонько заговорила она со зверьком, осторожно присаживаясь на корточки. Принцессин любимец завозился, щекоча ноги девушки мягкой шерсткой.

– И кто это у нас? – продолжила ласково разговаривать со зверюшкой Рапсода, аккуратно извлекая ее из-под подола. Разглядев животное и поняв, кто же сидит у нее на руках, девушка изумленно ахнула. Это был маленький лисенок. Зверек обнюхал руки Рапсоды и дружелюбно, совсем как щенок, махнул пушистым хвостом. Он явно был ручным.

– Какой ты хорошенький.

Лисенок фыркнул и ткнулся носом в ладони девушки в поисках угощения.

– Прости, дружок, у меня ничего с собой нет, – виновато прошептала Рапсода, – если бы я знала заранее, что у принцессы такой славный сосед, я обязательно бы что-нибудь прихватила.

Разочарованный зверек покрутился у ног гостьи и гордо удалился в угол, где улегся на горку подушек.

– Намек поняла, мешать не буду. Спокойной ночи, ва-

ша пушистость, – и Рапсода, улыбаясь, покинула владения зверька.

Теперь оставалась только одна дверь, в которую девица еще не заглядывала.

«А завершится наша экскурсия в святая святых, в опочивальне ее высочества наследной принцессы Аланы», – подвела про себя итоги Рапсода, останавливаясь на пороге. Вид огромной кровати с толстыми перинами и массой маленьких симпатичных подушечек, окутанной облаком полупрозрачного балдахина, поставил все на свои места, и девушка наконец поняла, как вымотал ее этот день.

«Главное сейчас думать не об отдыхе, а чем-нибудь отвлеченном и, желательно, активном, как там лисенок? Он же активный, о нем думать можно. Только он сейчас скорее всего дрыхнет, свернувшись поуютнее на своих подушках... Стоп, так не пойдет. Может пойти в столовую да чего-нибудь поесть? Людей именно это обычно посреди ночи от сна отвлекает. Нет, тоже не годится. А вот интересно, насколько мягко стелют королевской дочке? Ну так, исключительно ради любознательности, можно же проверить. Просто осторожно прилечь на минутку, ощутить, как пушистая перина нежно обнимает тебя, прочувствовать, какое это блаженство, и ни в коем случае не спа-а-ать...»

Девушка на минутку, всего на одну, закрыла глаза, и перед ней поплыли солнечные картины с ароматом детства. Вот она гуляет по летнему лесочку и собирает ягоды, а вот перед

ней вырастает избушка.

«Да я же в сказке, – догадалась Рапсода, – вот только в какой? В большинстве сказок домики, стоящие посреди леса, ничего хорошего путникам не сулят, хотя иногда встречаются и вполне безобидные теремки».

Решение пришло само собой. Чтобы узнать, что это за домик – хороший или плохой – достаточно выяснить, кто в нем живет. Благо избушка была исправно оснащена окнами, а значит любой дурак мог подглядеть за его обитателями. Хотя нет, дурак бы пошел стучаться в дверь.

Но Рапсода себя обделенной умом и сообразительностью не считала, поэтому тихонько подкралась к дому и осторожно заглянула в окошко. Комнатка, которую она увидела, была спальней, но хозяев в ней не оказалось.

«Н-дя, маловато как-то сведений», – скептически скривилась девушка.

И не успела Си-Диез додумать эту мысль, как из глубин дома донесся грозный голос.

– Кто ел из моей тарелки? Кто сидел на моем стуле? – Сурово вопрошал некто, а потом, как бы даже смутившись, продолжил, – ох, нет, извиняюсь. Никто не ел и не сидел, это я погорячился. Но кто-то же дрыхнет на моей кровати!

«Но никто же на ней не спит, – возмутилась про себя Рапсода, – я же видела, в спальне пусто. Да даже если б и был кто-то, хозяин же туда не заглядывал. Откуда он может знать, есть там кто-то или нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.